

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 113, февраль 2024

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ И ВОЙНЫ КРИЗИСА ПОРЯДКА

К концу 2024 года политические или местные выборы пройдут более чем в семидесяти странах, в которых проживает более половины населения Земли. Среди прочих электоральный опрос затронет Соединённые Штаты, Индию, Россию, Европейский союз, Мексику и Индонезию. С одной стороны, это означает теоретическую победу марксизма, который называет демократию «наилучшей оболочкой» господства капитала и анализирует градации и вариации империалистической демократии как современные формы классовой гегемонии.

Здесь можно вспомнить о закономерностях плюрализма властей, о весе, который приобрела монетарная власть, о тенденции ко всё большей централизации в исполнительной власти функций законодательной власти, о заражающем влиянии телевизионной демократии в старых и новых державах или о плюрализме надстроек европейского империализма, где сочетаются федеральные, конфедеративные и национальные власти.

С другой стороны, для демократической идеологии характерно понима-

ние голосования и выраженного в нём политического цикла как детерминирующих факторов политической власти, в идее примата политики и мифе о народной воле, выражаемой через урны для голосования. Марксистская наука, напротив, анализирует диалектический процесс, посредством которого группы и фракции правящего класса цепляются за эти полномочия, изучает, как международные детерминанты мирового противостояния влияют на национальные политические циклы, освещая их исторические особенности и закономерности, а также вскрывая их дисбалансы и несоответствия.

Новая стратегическая фаза отмечена упадком Атлантики, утверждением Китая как нового претендента на империалистический раздел и возникновением группы средних держав, которые теперь принято называть Глобальным Югом. Неравномерное развитие нарушает порядок, то есть баланс между державами и международными институтами, которые его представляют; тем самым акцент в противостоянии смещается на роль государств в промышленной и протекционистской политике, на использование экономической силы как инструмента принуждения, на перевооружение и подготовку военной силы в целях сдерживания, перед лицом вероятных в ближайшие годы конфликтов между крупными державами. Именно так войны кризиса порядка повсеместно оставляют свой отпечаток на новом политическом цикле.

Можно начать с империалистической демократии в Вашингтоне. Уже восемь лет, по крайней мере, говорится о кризисе демократии в Америке; неожиданное избрание Дональда Трампа в 2016 году и брексит в Великобритании стали символами атлантического упадка и эрозии западного либерального порядка. Сегодня, когда вновь проявляется неизвестность возможного повторения 2016 года, речь идёт прежде всего о необходимости избежать крайнего субъективизма тезисов, связывающих судьбы мировых балансов с предвыборной гонкой и возвращением колобродящего паясничанья президентства Трампа. Мы уже вспоминали по случаю американского кризиса, равно как и в связи с демагогами, авантюристами и дилетантами, появившимися в последние годы в результате электоральных восстаний в старых державах, диалектический метод, провозглашённый Карлом Марксом в эссе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», шедевре

материалистической политической науки, посвящённом генезису Второй империи во Франции.

Виктор Гюго в азарте нападок на Наполеона III сделал его гигантом, хотя и гигантом зла; Пьер-Жозеф Прудон в поисках объективных причин в итоге превратил его в историческую необходимость. На эти деформации субъективизма и объективизма Маркс отвечал, что «Восемнадцатое брюмера», напротив, демонстрирует, как классовая борьба создала «условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя»¹.

Постоянные и исторические закономерности американской политической культуры указывают на сложную динамику политического цикла, в котором континентальный центр федерации противостоял метрополиям двух бережий, вплоть до морального фактора популистской традиции и «лихорадок», периодически будораживших социальную психологию. Трансформированные империалистическим развитием,

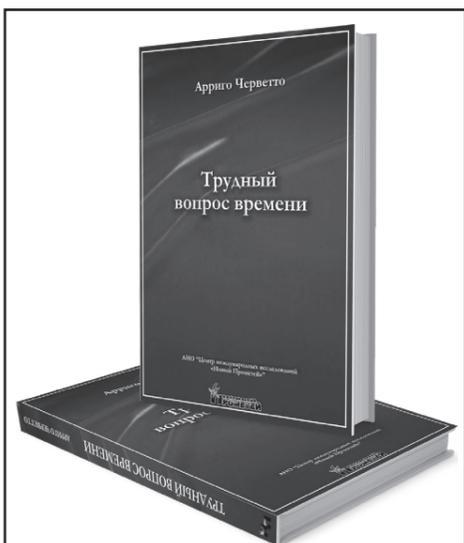
эти константы сегодня сочетаются с неизвестными факторами относительного упадка Америки и историческими коллизиями, порождёнными Китаем, беспрецедентным движением средних держав, а также сочетанием демографии и миграционных потоков.

Таковы «условия и обстоятельства» американского кризиса, с которого начались трампиистские колебания, вплоть до крайнего эпизода – штурма Капитолийского холма 6 января 2021 года. Поскольку на Старом континенте происходят те же исторические коллизии, американские неизвестные сочетаются с европейскими, а Китай и войны кризиса порядка испытывают на прочность атлантические отношения.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, январь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 16. С. 375.

Аригго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ И ВОЙНЫ КРИЗИСА ПОРЯДКА	стр. 1
Атлантические неизвестные величины в войнах на Украине и Газе	стр. 2-3
Неизвестный Китай в Давосе	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Берлин дискутирует об обязательном призыве и ядерном сдерживании. .	стр. 5
Коминтерн и палестинский вопрос	стр. 6
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
«Ядерное возрождение» даёт шанс российскому империализму	стр. 7
Соппротивление эмигрантов испанской гражданской войны	стр.8
<i>Европейская оборонная промышленность</i>	
Намерения Германии по перевооружению Европы	стр. 9
<i>Издательская новинка</i>	
Глобализация неопределённости, войны и инфляции	стр. 10-11
<i>Гиганты Азии</i>	
Хукоу замедляет социальную реструктуризацию	стр.12
Вспышки конфликтов, зажжённые войной в Газе	стр.13
Север и Юг в индийском федерализме	стр. 14
Страх и нарушение равновесия в Буэнос-Айресе	стр. 15
Свечи и пушки	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Международные миграции и демография

Италия иммиграции I	стр. I
Италия иммиграции II	стр. II
Италия в упадке, несмотря на миграцию	стр. III
Французское исключение даёт трещины	стр. IV

Атлантические неизвестные вели

(начало на 1-й стр.)

Из предисловия к готовящейся к выходу на итальянском языке книге Гuido Ла Барберы "Guerre della crisi dell'ordine".

Книга Гельмута Шмидта "Люди и державы" ("Menschen und Mächte") полезна для анализа долгосрочных изменений и нарушений равновесия, охвативших американский политический цикл и усиленных сегодня коллизиями кризиса порядка. Текст датируется 1987 годом; бывший канцлер Германии анализирует в нём президентства Джимми Картера и Рональда Рейгана в свете смещения центра тяжести американской внешней политики с Восточного побережья на Юг и Запад, а также вторжения политики-спектакля и «телевизионной демократии».

Шмидт пишет, что, согласно европейским меркам, «международную политику эпохи Никсона, Форда и Киссинджера можно было бы назвать центристской; Картер сделал поворот на девяносто градусов влево, а позже Рейган снова продолжил курс на сто восемьдесят градусов вправо». По его мнению, на это, безусловно, повлияли «менталитет и предрассудки» двух президентов, оба из которых имели «небольшой международный опыт». Но причины этих резких изменений, конечно, «почти исключительно были обусловлены внутренней политикой, её структурами и реструктуризацией, борьбой партий за власть, эмоциональными состояниями и течениями мысли, сложившимися в общественном мнении, а также внутри политического класса».

Трансформации, которые, по мнению Шмидта, повлияли на «непоследовательность» американской внешней политики с 1970-х и 1980-х годов можно свести к четырём факторам. Первый – это закат двухпартийного истеблишмента внешней политики, укоренившегося на Восточном побережье, в сочетании со смещением

центра тяжести американского экономического роста. В 1950–1960-е годы европейскому политику, который хотел узнать о внешнеполитических намерениях США, «потребуется бы всего несколько дней и пара бесед с несколькими членами Совета» по международным отношениям в Нью-Йорке. Уже после войны во Вьетнаме, отмечает Шмидт, «последовательности» и «предсказуемости» внешней политики США начали снижаться; вопросы о конфликте «поляризовали весь американский политический класс»; многие потеряли самообладание «и в какой-то степени хорошие манеры»; другие «погрузились в серьёзные сомнения» относительно роли США, «которым в немалой степени поспособствовала оппозиция, выраженной их собственными детьми». Подкрепим этот тезис наблюдением, которое полезно и сегодня: разброд и начало истощения истеблишмента международной политики, конечно, имело внутреннюю динамику, вспомним лишь последствия "Уотергейта", захлестнувшего президентство Ричарда Никсона, но элементом, вызвавшим его, был конфликт в Индокитае и проявление первого сезона относительного американского упадка.

Второй фактор отражал неравномерное развитие ключевых областей американского империализма: «Влияние Восточного побережья на внешнюю политику, направленную на Европу через Атлантический океан, администрация Картера, даже в большей степени, чем администрация Рейгана, заменила весом штатов Южного и Западного побережья огромной нации, которой является Америка. Их взоры обратились к Мексике, Карибскому бассейну и западу, через Тихий океан. В то же время в 1970-е годы произошёл заметный сдвиг в экономической динамике, социально-экономическом и демографическом росте со сдвигом в направлении Флориды, Техаса, Калифорнии и других федеральных штатов далёких от Восточного побережья и Среднего Запада, традиционного центра промышленного роста США на протяжении многих поколений».

Внимание: по мнению Шмидта, этот сдвиг в экономических направлениях также изменил вес региональных политических культур, выявив – наряду с калифорнийским направлением к Тихому океану – исторические линии разлома, лежащие в основе враждебности Heartland, континентальной части США, к федеральной власти: «Регионы, находящиеся в центре нового развития, продемонстрировали большую жизненную силу, не без, однако, большей наивности в отношении внешней политики; также нельзя не заметить широко распространённого презрения к Вашингтону и старому истеблишменту».

Появились новые лозунги и новые течения мысли. Если Картер находился под влиянием «трёхсторонней концепции США – Европа – Япония», которую отстаивала Трёхсторонняя комиссия, продвигаемая Дэвидом Рокфеллером и Збигневом Бжезинским, то в конце 1970-х годов добавился «новый лозунг Тихоокеанского бассейна»: «В глазах многих калифорнийцев мировой экономической рост обрёл новый динамичный центр в этом регионе. Это породило надежду на то, что производственный потенциал Японии, Тайваня, Гонконга и Сингапура можно будет развивать под технологическим и, по возможности, предпринимательским руководством Америки, получив

таким образом ещё одну вежу во внешней политике и стратегии в целом».

С точки зрения Шмидта, это не только затушёвывало отношения с Европой, но и вызывало «изрядную долю иллюзий относительно азиатских народов и их интересов»: «В среднем американцы имеют гораздо меньше знаний о японском народе, его истории, культуре и менталитете, чем о Европе. В ещё большей мере это применимо к Китаю с его пятитысячелетней историей и цивилизацией, но это верно и в отношении такой крупной исламской страны как Индонезия». Америка, по словам Шмидта, мало что знала о «внутренних конфликтах в Азии», «обидах, которые Китай, Корея и Филиппины питают к Японии», «подсознательных страхах» возвращения китайского влияния или зависти, вызванной успехом миллионов китайцев за границей «в Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах».

Однако «колоссальный рост Японии» и политика «открытости», которую ввёл в Китае Дэн Сяопин, стали фактом; внимание Америки было обращено на Тихоокеанский регион, и Европе следовало бы адаптироваться, если она хотела «сохранить своё влияние на ориентацию и действия США в мировой политике».

Тихоокеанский и Индо-Тихоокеанский регион: противостояние по поводу поворота в Азию, провозглашённого Бараком Обамой и продолженного Джо Байденом, отметим, имело свои прецеденты при Картере и Рейгане; с другой стороны, уже в 1980-х годах Вашингтон был взбужден японским вызовом, с реакцией, подобной той, что сегодня в гораздо большей мере порождает китайский вызов. Больше, чем со своими приблизительными оценками и «иллюзиями» азиатская политика США была вынуждена считаться с законами империалистического развития, которые привели к вторжению сначала Японии, а затем китайского гиганта, наряду с множеством средних держав. В этой динамике азиатской многополярности нельзя сказать, что Вашингтон до сих пор не справился с задачей балансирования, сначала сдерживая Токио удушающими объёмами асимметричного американо-японского союза, а затем согласившись с Пекином на квази-альянс, который сопровождал его появление и рост на мировых рынках. Вопрос о сегодняшнем повороте и стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе заключается в том, как этот балансирующий акт может продолжаться в новых колоссальных стратегических диспропорциях, воплощённых Китаем. В остальном, Шмидт, что характерно для его стратегического подхода, считал, что колебания и непоследовательность американской внешней политики действительно следовало знать и учитывать. При этом он думал, что можно будет сопровождать и влиять на её основные направления в Азии.

Третий фактор, выделенный Шмидтом, был связан с трансформациями в партийной системе и относительной слабостью администрации перед лицом групп давления и личных аппаратов отдельных политических лидеров. «Наряду с закатом истеблишмента Восточного побережья и его растущей заменой людьми с Юга и Запада, – пишет Шмидт, – сплочённость политического класса была подорвана ещё одним фактором, а именно появлением класса интеллектуалов, профес-

сиональных политиков, которые лично не участвуют в выборах, но предлагают, а иногда и навязывают, свои услуги в качестве экспертов и консультантов политикам или кандидатам».

Это класс, выраженный двумя секторами. Одна его часть собрана в аналитических центрах, среди которых Шмидт упоминает Rand Corporation, CSIS (Центр стратегических и международных исследований) в Вашингтоне, институты, более связанные с демократами или либеральным центризмом, такие как Брукингский институт и Фонд Карнеги за международный мир; центры, связанные с республиканцами, такие как American Enterprise, или с правыми республиканцами, такие как Гуверовский институт в Стэнфорде, Калифорния, или Heritage Foundation в Вашингтоне. Второй сектор – это аппараты сенаторов и депутатов, описанные как персональные партии, где существует «климат солидной эффективности, но также интеллектуального соперничества и подчёркнутой партийной поляризации». Механизм spoils system¹, включающей тысячи должностей, означает, что, «поддерживаемые своими наставниками в Сенате и Палате представителей», штатные сотрудники «стремятся оттеснить карьерных чиновников на подчинённые позиции» и, попав в исполнительную власть, «включают в своё окружение близких по духу людей из своей среды». Как следствие, по мнению Шмидта, «постоянное и всё возрастающее смещение карьерных чиновников почти со всех ключевых постов является одной из главных причин прискорбного отсутствия преемственности во внешней политике США». В то же время «не менее пагубные последствия имеет и постепенная адаптация правящего класса к настроениям общественного мнения, на которое всё большее влияние оказывает телевидение».

Перегруженный двойной функцией лидера государства и главы правительства, президент, по словам Шмидта, с трудом справляется с обеими задачами, в то время как наиболее видные члены аппарата, обученные в основном избирательными кампаниями, «применяют в основном критерии внутренней политики и связей с общественностью». Последствия этого, пишет бывший канцлер Германии, сказываются на атлантических отношениях: «Европейские союзники Соединённых Штатов давно взяли за привычку не придавать чрезмерного значения внешнеполитическим программам, объявленным во время президентских избирательных кампаний. Но им также пришлось смириться с тем, что они вряд ли узнают заранее, что на самом деле будет делать избранный президент. Они не знают, действительно ли их беседы с министрами иностранных дел и обороны, советниками по безопасности, торговыми делегатами и личными назначениями различных президентов отражают политику США. Они не знают, как долго будет иметь значение то или иное суждение; они озадачены растущим популизмом, характеризующим американскую внешнюю политику, и постоянно увеличивающимся влиянием сенаторов, конгрессменов и их окружения. Правительства стран-союзниц считают Вашингтон сегодня гораздо менее надёжным, чем в период от Эйзенхауэра до Форда. В результате они более осторожны в проявлении себя; они боятся следующей смены курса, потому что не знают, когда она произойдёт и в каком направлении пойдёт».

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ "Новый Прометей"» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

ЧИНЫ В ВОЙНАХ НА УКРАИНЕ И ГАЗЕ

Четвёртый фактор в обвинении Шмидта заключается в дисбалансе, влияющем на американскую внешнюю политику, – это «телевизионная демократия», доведённая Рейганом до виртуозности: «Он обладает гениальными способностями обращаться к американцам, к их настроениям и чувствам, и мобилизовать их. У Рейгана [...] прекрасный нюх на настроения людей, как в плане реакции на национальном уровне на случайные эпизоды, так и относительно сокровенных симпатий к идеалам, идолам, иллюзиям, легендам и ритуалам, свойственных американскому народу».

Уже для Картера и его соратников «вечерние новости и телевизионные комментарии к событиям дня» были важнее, чем ежедневное чтение *New York Times*, *Washington Post*, *Los Angeles Times* или *Wall Street Journal*. Американские президенты, считает Шмидт, «обычно не читают иностранную прессу». Благодаря телевидению Рейган и его сотрудники формировали представление о том, что было актуально и воздействовало на общественное мнение; на этой основе они формировали свои суждения «о том, какие шаги были правильными, а каких следовало избегать», и решали, какими будут «их политические заявления и решения на следующий день»: «Если событие не освещалось телевидением, то оно не требовало вмешательства президента. Однако если телевидение уделило достаточно места – пусть и явно предвзято – какому-то событию, то Белый дом был обязан прокомментировать его, иногда в тот же день, то есть к вечерним новостям, часть которых ретранслируется на следующее утро. В результате многие политические решения принимаются в спешке, а значит, неверно. Иногда это происходит и в связи с решениями, принимаемыми для того, чтобы отвлечь внимание от события, произошедшего накануне и воспринятого как драматическое, устрой позитивное зрелище. Таким образом, телевизионная зрелищность сменяет искусство управления».

По мнению Шмидта, «в Соединённых Штатах триумф телевидения как основного инструмента – и источника! – формирования политического мнения стал свершившимся фактом»: Рейган был первым, кто не только понял, но и «полностью использовал потенциал средства массовой информации». Что касается некоторой атмосферы снисходительного превосходства, которую демонстрируют европейцы, Шмидт предупреждал, что этот путь проложен и для Старого континента: «Они забывают, что и в Европе идёт неостановимый процесс превращения парламентской демократии в телевизионную. В Европе также речи, пресс-конференции, но, прежде всего, телевизионные выступления глав правительств всё чаще становятся объектом сценарийного вмешательства спичрайтеров, режиссёров, техников-осветителей, гримёров». Также в Европе «изображение воспринимается быстрее и прочнее, чем печатное слово, в ещё большей мере это касается цветного и движущегося изображения в сочетании с устным словом». «Политический триумф немецкой Bild, английской Daily Mirror, а позднее Sun, периодическое доминирование France Soir в газетных киосках – это лишь генеральная репетиция того, что произойдёт, когда, несмотря на упорное сопротивление, телевидение окончательно станет священным и в Европе: это лишь вопрос времени».

Мы придаём значение тезисам, повествованию и прогнозам Шмидта, потому что они исходят из непосредственного опыта его работы в немецкой канцелярии; отметим, что многие черты сегодняшнего политического цикла, как в Америке, так и в Европе, уже созрели четыре десятилетия назад, начиная с поляризации, подорвавшей двухпартийный консенсус, и политики-спектакля, где требования инсценировки поглощали время и инструменты политической рефлексии. Мы отсылаем к главе «Новый политический цикл и медиа-демократия» в книге *“Crisi dell'ordine e pandemia secolare”*² для актуализации анализа телевизионной демократии до сетевой демократии и для анализа внутреннего нарушения равновесия, при котором эти политико-редакционные формы акцентируют, в столкновениях кризиса порядка, страхи и эмоциональные колебания «массового и телевизионного индивидуализма».

Неудивительно, что фигура, находящаяся между продавцом недвижимости и телевизионным импресарио, такая как Дональд Трамп, сегодня в высшей степени интерпретирует эту логику и эти нарушения равновесия, усиленные дальнейшим взаимодействием между телевидением и социальными медиа. Затем, поскольку его кандидатура или даже президентство кажутся неизбежными, можно будет увидеть, как крупные группы пойдут на компромисс, чтобы воспользоваться ситуацией или по крайней мере не пострадать. Это уже происходит с некоторыми финансовыми центрами, которые признают «правоту» Трампа и присоединяются к крупным производителям ископаемых энергоносителей и другим интерпретаторам индустриалистской линии, которые уже поддерживают его.

Государственным деятелям, к категории которых, несомненно, принадлежал Шмидт, свойственна способность объединять политические действия и концептуальное осмысление объективных сил, вызывающих споры, и долгосрочные тенденции, которые их движут и трансформируют. Что касается неизвестных величин трансатлантических отношений, то аргументы Шарля де Голля в 1962 году для мотивации создания французской *Force de frappe*³ остаются беспрецедентными по своему предвидению; мы уже сталкивались с ними в мемуарах Алена Пейрефитта в книге *“C'était de Gaulle”*. По мнению генерала, французские ядерные силы должны были сдерживать не только агрессора, но и «злоупотребляющего своим положением защитника», противостоять не только «угрозам», но также «давлению» и «шантажу». Что касается будущих перспектив, то история продемонстрировала возможность «невероятных потрясений»: «Америка может взорваться из-за терроризма, расизма, чего угодно, и стать угрозой миру. СССР может взорваться, потому что коммунизм рухнет, потому что его народы вцепятся друг другу в волосы. Он может стать угрозой». Поскольку «на поиски лекарства уйдёт двадцать лет», Франция должна была действовать немедленно, чтобы обеспечить свою стратегическую автономию.

Поразительно, насколько прозорливым оказалось это стратегическое видение сейчас, когда США демонстрируют отступление к унилатерализму и сотрясаются от «лихорадок» идентичности, в то время как СССР дей-

ствительно распался в 1989–1991 годах, украинская война демонстрирует, что его народы столкнулись друг с другом в смертельном конфликте, а Россия снова стала угрозой для старушки Европы.

Поразительно и то, как разворот этого стратегического кошмара вновь ставит перед Европейским союзом вопрос о сроках его автономии. Шмидт в предисловии к своей книге «Люди и державы» считал, что по итогам его канцлерства Германия перестала быть «карликом в политике»: она «научилась играть политическую роль, соответствующую её историческому и географическому положению». Сегодня этого уже нельзя сказать о Европе, и, согласно немецким дебатам, даже о Германии, хотя и в новых стратегических условиях, возникших в связи с воссоединением страны и созданием федерации евро.

Шмидт также считал, что санкции, принятые Рейганом в конце 1981 года в ответ на военное положение, объявленное в Польше Войцехом Ярузельским, были примером телевизионной демократии и политикой, импровизированной на эмоциях момента, особенно когда немецкую *Ostpolitik* обвинили в стремлении умиротворить Москву, а санкции были призваны блокировать сибирский трубопровод между Германией и СССР. Спустя сорок лет российско-германская энергетическая связь была разорвана из-за украинской войны, а *Ostpolitik* приостановлена.

Тома Гомар из IFRI (Французский институт международных отношений), представляя в *Le Monde* свою работу *“L'accélération de l'histoire”*, затрагивает именно вопрос времени европейского империализма. Он утверждает, что, особенно во Франции, необходимо понять, что война на Украине, начавшаяся в 2014 году аннексией Крыма, – это «по крайней мере, вопрос одного поколения». Задаваясь вопросом, достигли ли мы «середины пути» в этом кризисе, Гомар предполагает, что стратегическое урегулирование с Москвой не может быть достигнуто по крайней мере в течение десятилетия; возможность того, что ЕС придёт самостоятельно взять на себя защиту Украины, если американское отступление Трампа примет форму, станет для европейцев «моментом истины в их стремлении к стратегической автономии». Что касается «ускорения истории», то расширяющаяся война в Газе также демонстрирует «беспрецедентную концентрацию конфликтов»; Тайваньский пролив и Южно-Китайское море, Ормузский пролив в Персидском заливе и Босфор, «защёлка Чёрного моря», являются центральными точками этой «взаимозависимости» горячих точек кризиса; для Франции и Европы «ухудшение международной ситуации ускоряется быстрее, чем растёт военная готовность».

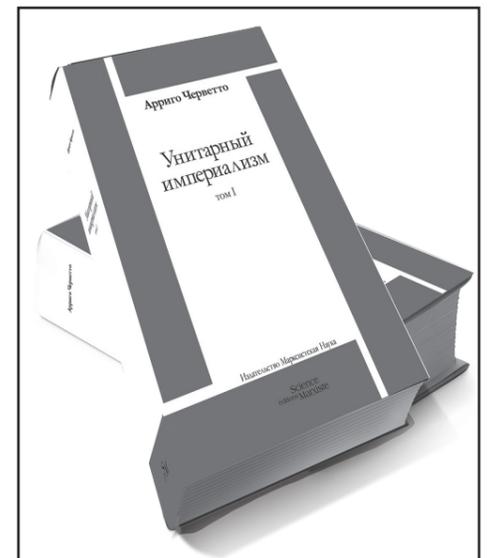
Кристиан Мёллинг из DGAP, немецкого общества внешней политики, в своей работе *“Fragile Sicherheit”* (“Хрупкая безопасность”), пишет о «конце мира» и наступлении «нового конфликтного порядка»; европейцам придётся адаптироваться к новым условиям, в которых они окажутся в «постоянном конфликте» с Россией или Китаем. В Германии должно начаться «десятилетие политики безопасности», где «новым немецким вопросом» станет вклад Берлина в оборону Европы; бундесвер должен снова стать самой мощной обычной армией Евро-

пы, способной на «старт без разогрева». Перевооружение в узком смысле потребует дополнительных расходов в размере 0,5 % ВВП; военные расходы и инвестиции в энергетическую реструктуризацию должны достигнуть 4 % ВВП. *Zeitenwende* стала признанием немецкого политического руководства в том, что оно неверно оценило мир; изменение процессов, материалов, а также политической «культуры» займёт «от двенадцати до пятнадцати лет».

Следующий европейский законодательный орган, в намерениях, заявленных в Париже, Берлине, а также в Риме или Мадриде, должен иметь «конституирующий» характер; проект Европейской комиссии заключается в том, чтобы связать каждый шаг расширения ЕС в направлении Украины и Балкан с институциональными шагами по углублению интеграции Союза. На восточном и средиземноморском фронтах европейского ближнего зарубежья течения империалистического европеизма демонстрируют, что они хотят ухватиться за войну кризиса порядка за рычаг перевооружения Старого континента. Независимо от того, удастся ли ЕС ответить на свой вопрос времени на стратегическом и военном уровне, это уже новый знак как европейского политического цикла, так и трансформации атлантических отношений.

Lotta comunista, январь 2024 г.

- 1 – Дележа добычи (англ.).
- 2 – «Кризис порядка и вековая пандемия».
- 3 – Силы ядерного сдерживания.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Неизвестный Китай в Давосе

Давосский форум, который каждый год собирает самых влиятельных капиталистов и членов правительств со всего мира, в этом году снова начался со вступительного доклада, основанного на интервью с 1500 участниками мероприятия. Подавляющее большинство респондентов разделяют «преимущественно негативный прогноз развития мира на ближайшие два года, который, как ожидается, ухудшится в течение следующего десятилетия». Девять из десяти опрошенных видят в долгосрочной перспективе «высокие риски глобальных катастроф». И это при условии, что исследование было завершено в сентябре, т. е. не фиксирует последствия войны в Газе.

Пессимистический настрой собравшихся в Давосе был взращён годами реальных потрясений (финансовым кризисом, пандемией, войной) и боязни катастроф (вечно неминуемой рецессии, дефляции, конца глобализации). Мрачные прогнозы также использовались, чтобы повлиять на правительства и центральные банки с целью обеспечить щедрую государственную помощь или удержать на низком уровне процентные ставки. Некоторые наблюдатели отмечают метаморфозу «человека Давоса» из поборника либеризма в сторонника протекционизма, из энтузиаста по отношению к Пекину в критика незавершённого «китайского чуда». Многополярный мир в действии дезориентирует правящие классы старого порядка, но в то же время обостряет проблемы империалистического развития новых держав.

Трудности и успехи

В своём выступлении в Давосе премьер Госсовета КНР Ли Цян заявил, что в 2023 г. целевой показатель экономического роста Китая будет превышен с результатом 5,2 % ВВП – это в 2 раза больше, чем в среднем по миру, и в 3,5 раза больше, чем в «развитых» странах. Ли Цян подчеркнул, что Китай не прибегал к крупным фискальным и монетарным стимулам: «Мы пытались избежать крупных стимулов и не стремились к краткосрочному росту за счёт накопления долгосрочных рисков».

Но циклические и структурные проблемы Китая никуда не делись. Дефляция цен производителей промышленной продукции, слабость внутреннего спроса, спад экспорта в долларах, потеря части прямых иностранных инвестиций, снижение роста производительности, старение рабочей силы, высокая задолженность предприятий и местных администраций, но, прежде всего, кризис в секторе недвижимости, который продолжается третий год подряд, сопровождаясь падением продаж домов на 35 % по сравнению с 2022 г. и банкротствами важных групп (последним стал январский крах финансовой группы «Чжунчжи» с активами в 140 млрд долларов), – вот причины, по которым агентство Moody's в декабре снизило кредитный рейтинг Китая со «стабильного» на «негативный».

Но Китай вызывает кошмары у конкурентов не из-за своих недугов, а по причине успехов в области энергетического перехода: МЭА признало, что Пекин возглавляет усилия по ускорению глобальной мощности возобновляемых источников энергии к 2030 г., при этом только в 2023 г. китайское производство солнечной энер-

гии удвоится, а ветровой – вырастет на 66 %. Его движущая сила проявляется на рынке электромобилей. По данным *The Economist*, в ноябре 42 % проданных в Китае автомобилей были электрическими или гибридными, по сравнению с 25 % в ЕС и 10 % в США. В 2023 г. благодаря продажам электромобилей Китай обошёл Японию как крупнейшего мирового экспортера автомобилей: в последнем квартале китайская BYD обогнала Tesla как крупнейшего в мире производителя автомобилей, работающих только на аккумуляторах.

Централизованный центральный банк

В ходе дебатов о противоречиях китайской экономики между лондонской *Financial Times* и пекинской *Global Times* возник интересный спор о роли китайского центрального банка (Народного банка Китая, НБК). Газета Сити в конце декабря в разделе «The Big Read» заявила, что «влияние некогда могущественного НБК ослабло, поскольку Пекин наращивает усилия по централизации контроля КПК над финансовым регулированием». Этот тезис подкреплялся рядом аргументов.

Во-первых, с марта НБК находится под контролем Центральной финансовой комиссии (CFC), член которой Хэ Лифэн (вице-премьер Госсовета КНР и «царь» экономики) будет иметь право голоса при назначениях в центральном банке. Во-вторых, было создано Государственное управление финансового регулирования (NAFR), которое поглотит 1600 отделений НБК на уровне округов и возьмёт на себя частичный контроль над системой электронных платежей Alipay. В-третьих, с помощью закона о борьбе с коррупцией был отстранён бывший заместитель председателя НБК Фань Ифэй, а глава департамента денежно-кредитной политики НБК Сунь Гофэн оказался под следствием. В-четвёртых, НБК под давлением Госсовета неохотно провёл несколько финансовых операций, ответственность за которые была возложена на Министерство финансов. В-пятых, председатель Пань Гуншэн сместился вниз по партийной иерархии, не войдя в состав ЦК КПК, в то время как это сделали главы некоторых государственных групп (Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China и la China Life Insurance).

Global Times отреагировала институциональным аргументом: идея о том, что китайский центральный банк в разгар сложной экономической ситуации оказался «в стороне», совершенно ошибочна. Его политику следует рассматривать через призму трёх критериев. Во-первых, китайский финансовый сектор развивается «быстро, но с проблемами и противоречиями», эффективность финансовых услуг для реальной экономики невысока; управление нуждается в улучшении. Во-вторых, цель состоит в том, чтобы «собрать мощные силы для решения сложных проблем». Это требует приверженности «централизованному и единому руководству КПК». В-третьих, Китай должен преобразовать политические и институциональные преимущества централизации в эффективное финансовое управление. Цель, обозначенная центральной финансовой рабочей комиссией в октябре 2023 г., заключается в создании «финансовой державы [...] в сложном глобальном экономическом

контексте. [...] При этом могут возникнуть некоторые недопонимания между Китаем и Западом, и это нормально, потому что многие жители Запада всё ещё используют устаревшие западные экономические концепции для интерпретации быстро развивающейся экономики Китая».

Устаревшие концепции

Global Times связывает цель Китая по созданию «финансовой державы» с необходимостью политической централизации монетарной власти. В либеральном видении государство организовано исходя из принципа разделения властей как гарантии плюрализма буржуазных фракций и в эпоху империализма распространено его на монетарную власть, выведя её из-под контроля казначейства, т. е. оперативного органа исполнительной власти, управляющего расходами и выпускающего госдолг. С этой точки зрения, идея о том, что монетарная политика должна находиться под «централизованным и единым руководством», кажется еретической.

Следует отметить, что практика независимости центрального банка от казначейства имеет относительно недавнюю историю и, например, в Европе она формально возникла только после создания Европейского центрального банка, который требовал независимости национальных центральных банков от своих правительств, чтобы они могли уступать свой монетарный суверенитет лишь федеральному учреждению. Следует также отметить, что во времена кризиса взаимосвязь между монетарной властью и выпуском государственно-го долга была восстановлена в виде различных форм и процедур политики количественного смягчения, т. е. массовой скупки государственных облигаций для целей монетарной политики (снижения ставок), достигаемых за счёт последствий для государственных финансов (больше долга при меньших расходах).

С китайской точки зрения, большая централизация способствует формированию концентрированной регулирующей силы, способной противостоять всё более интенсивной империалистической конкуренции и обеспечить финансирование перевооружения и интернационализацию юаня. Либеральное видение непоследовательно, когда оно протестует против централизма, но осуждает невключение председателя НБК в ЦК КПК. Можно предположить, что кооптация председателя НБК в ЦК КПК не дала бы больше власти банку, но лишила бы его авторитета в глазах руководителей центральных банков мира. Подчинение председателя НБК Госсовету, а не непосредственно партии, можно считать формой независимости центрального банка с китайской спецификой.

Щит и копье

Центральный банк предпринял ряд защитных действий: предоставил экономике ограниченную ликвидность, постепенно ослабил кризисы, с которыми столкнулись группы из сектора недвижимости, разрешил отдельным провинциям выпуск собственных облигаций и в 2023 г. остановил отток капитала, вызванный быстрым ростом ставки ФРС.

В своём выступлении на НКМА-BIS High-Level Conference 28 ноября Пань Гуншэн проиллюстрировал направ-

ления действий НБК внутри и за пределами Китая.

Пан считает, что погоня за высокими темпами развития закончилась: «Гораздо важнее качественный и устойчивый рост. Поэтому нам следует больше сосредоточиться на совершенствовании экономической структуры и формировании новых драйверов роста. Нынешняя экономическая трансформация пройдёт долгий и трудный путь, но именно такой нам и следует пройти». Китай должен использовать свои «сильные стороны»: способность к инновациям, большой рынок, хорошую инфраструктуру, консолидированные промышленные цепочки, богатые и образованные человеческие ресурсы. Устойчивое развитие станет результатом роста «возобновляемых источников энергии и других новых движущих сил экономики» в сочетании с недавними мерами, реализуемыми «постепенно»: поддержкой сектора недвижимости, сокращением долгового бремени местных органов власти, выпуском облигаций центрального правительства на сумму 1 трлн юаней.

В отношениях с внешними силами центральный банк играет важнейшую роль в превращении Китая в «финансовую державу». Председатель Пан заявляет: «Во-первых, мы значительно расширили доступ к рынку для иностранных финансовых учреждений». НБК отменил запрет на иностранное владение банками, страховыми компаниями и фирмами, занимающимися ценными бумагами, и лицензировал кредитную карту Mastercard. «Во-вторых, мы расширили открытие финансовых рынков Китая. Сейчас он имеет второй по величине рынок облигаций в мире». Иностранные инвесторы владеют 3,3 трлн юаней китайских облигаций, которые растут на 30 % ежегодно. «В-третьих, юань более широко принимается и используется в международной торговле и финансовых операциях. [...] Опыт Китая показал, что открытость является мощной движущей силой высокого развития финансовых рынков». «В-четвёртых, НБК уже давно участвует в глобальном финансовом управлении. [...] В этом году Китай создал финансовые рабочие группы как с США, так и с ЕС. НБК является ведущим агентством с китайской стороны для обеих групп». «И последнее, но не менее важное: [...] особая роль, которую Гонконг может играть как международный финансовый центр. [...] Он имеет свободную бизнес-среду, развитые финансовые рынки, финансовую инфраструктуру, огромный кадровый резерв, надёжную и хорошо соответствующую международным стандартам правовую систему. Это крупнейший офшорный рынок юаня в мире. Это также крупнейший в Азии центр управления активами и второй по величине центр хедж-фондов и прямых инвестиций».

Как видим, центробанк не остался «в стороне». В китайских дебатах Пань Гуншэн представляет линию, которая направлена на решительную поддержку энергетического и цифрового переходов, а также финансовой проекции Китая в мире. Дебаты среди китайских экономистов сложны и отражают разнообразие приоритетов (инвестиции, потребление, инфраструктура, социальное обеспечение и недвижимость), выделение которых, как заявляется, сможет ускорить восстановление экономики.

Европейские хроники

Берлин дискутирует об обязательном призыве и ядерном сдерживании

Правительство Германии, пребывающее в плохом состоянии, начинает этот предвыборный год на низком уровне по индексу популярности. Весной ему предстоят европейские выборы, а осенью – региональные голосования в трёх восточных землях, где в опросах лидирует ультраправая партия АдГ («Альтернатива для Германии»).

В начале года правительство получило ещё один удар в виде протестов фермеров, вызванных сокращением субсидий на используемое в сельском хозяйстве дизельное топливо. Эта мера была среди тех, которые были поспешно приняты после того, как Конституционный суд постановил, что бюджет на 2024 год нарушал конституционный тормоз на пути долга.

Возвращение к воинской обязанности?

Одним из положительных моментов, за который может зацепиться правительство, являются усилия министра обороны Бориса Писториуса. Обладая специальным фондом в 100 миллиардов евро, представитель Социал-демократической партии (СДПГ) отвечает за обновление вооружённых сил в соответствии с требованиями *Zeitenwende*, смены эпохи, объявленной канцлером Олафом Шольцем после начала конфликта на Украине в 2022 году. Назначенный в январе 2023 года, бывший мэр Оснабрюка и экс-министр внутренних дел земли Нижняя Саксония менее чем за год стал любимой политической фигурой немецкого электората благодаря позированию в камуфляже на военной технике и порой исходящим от него провокационными высказываниями.

Писториус заявил, что Германия должна снова стать *Kriegstüchtig*, то есть способной вести войну: «Мы должны снова привыкнуть к мысли, что Европе может грозить военная опасность» (*Die Zeit*, 29 октября 2023 г.). По его мнению, необходимо «очень серьёзно отнестись к угрозам [России] в отношении стран Балтии, Грузии и Молдовы». Поскольку «в конце этого десятилетия опасность может коснуться и нас», по оценке министра, у страны будет «от пяти до восьми лет, чтобы наверстать упущенное как в промышленности, так и в обществе» (*Welt am Sonntag*, 18 декабря).

Объявление пяти- или восьмилетнего срока для перевооружения Германии напоминает отказ Британии от «Правил десяти лет». Эта директива, принятая в 1919 году, официально закрепляла тот факт, что Великобритания не ожидала участия в крупной войне в ближайшие десять лет, что оправдывало сокращение оборонного бюджета. В 1932 году кризис в Маньчжурии побудил британское правительство приостановить действие правила, но из-за экономического кризиса масштабное перевооружение началось только в 1937–1938 годах.

Кроме того, пример украинского конфликта заставил Писториуса поставить под сомнение модель профессиональной армии. Она может быть пригодна для ограниченных интервенций в отдалённых странах, но в случае масштабной войны на истощение, подобной той, что сейчас ведётся на Украине, такая модель быстро продемонстрирует свои ограничения. По словам Писториуса, приостановка воинской

обязанности в 2011 году была «ошибкой», поэтому он изучает, в частности, «шведскую модель» призыва. В этой скандинавской стране все мужчины и женщины в возрасте 18 лет должны ответить на вопросы анкеты, на основании которых вооружённые силы выбирают кандидатов для дальнейшего отбора. Потребность в 4–5 тыс. призывников в год означала, что в последние годы шведская армия в основном набирала добровольцев. Однако теперь, когда вооружённые силы хотели бы получать 10 тыс. призывников, то есть около 10% 18-летних, число принудительных призывников может возрасти.

Немецкие дебаты склоняются к этой модели. Против неё выступают «Зелёные», Либерально-демократическая партия (СвДП) и часть СДПГ, в то время как христианские демократы из ХДС хотя бы выйти за рамки добровольческой системы, призывая к введению обязательного «социального года», который может состоять из гражданской или военной службы. Только Маркус Зёдер, председатель ХСС, баварских христиан-социалистов, прямо призывает к введению обязательной военной службы.

Европейское сдерживание?

Война на Украине и растущие сомнения относительно надёжности обязательств США в Европе также поднимают вопрос о формах европейского ядерного сдерживания. «Мы должны восстановить наш потенциал сдерживания», – заявил Йюшка Фишер. Бывший лидер «Зелёных» и министр иностранных дел утверждает, что приоритетом должно быть обычное сдерживание, и исключает возможность появления немецкого ядерного оружия. Однако, отказываясь от своих прежних взглядов в пользу ядерного разоружения, Фишер считает, что к настоящему времени «ЕС нуждается в собственных силах ядерного сдерживания» (*Die Zeit*, 4 декабря). Таким образом, он принимает предложение политолога и заслуженного профессора Берлинского университета имени Гумбольдта Герфрида Мюнклера, высказанное неделей ранее.

Учёный подчёркивает, что контроль над таким оружием должен быть истинно европейским, и задаёт вопрос: «У британцев есть атомные подводные лодки, у Франции – атомная бомба, но будут ли они в действительности использовать их для защиты Литвы или Польши?» Поскольку в таком случае Великобритания или Франция превратились бы в мишени для ядерного ответа. Мюнклер считает, что европейский щит, основанный на обещании использовать для защиты британское или французское ядерное оружие, не остановит Кремль, пока только Лондон или Париж держат палец на красной кнопке. «Нам нужен общий чемоданчик с красной кнопкой, который будет перемещаться между основными странами ЕС», – заключает он, оценивая задачу как «проект на ближайшие двадцать лет» (*Stern*, 29 ноября).

Эта дискуссия между отставными политиками и заслуженными профессорами не удовлетворила *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* (FAS), которая уже давно пытается иницииро-

вать дебаты по вопросу о европейском ядерном сдерживании. Воскресная газета, связанная с консервативной ежедневной *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, выражает сожаление по поводу отсутствия «серьёзных дебатов об обороноспособности Германии» и обвиняет «политиков [правящей] коалиции и значительную часть ХДС-ХСС» в «зарывании головы в песок». По мнению FAS, вскоре их могут призвать к порядку: «Если Германия окажется в затруднительном положении с точки зрения безопасности в результате ухода американцев из Европы, граждане захотят узнать, почему правительство не приняло меры предосторожности раньше. Почему оно не попыталось создать новый защитный экран? Почему замалчивается основополагающий вопрос о потенциале ядерной обороны, возможно, даже именно немецком?» (10 декабря).

Одним из немногих активных политиков, высказавшихся в пользу европейского сдерживания, был президент Европейской Народной Партии Манфред Вебер, по мнению которого «в долгосрочной перспективе» ЕС нуждается в собственных силах ядерного сдерживания, но строго «в рамках НАТО и в дополнение к нему» (*FUNKE Mediengruppe*, 12 декабря). Он утверждает, что лучший путь заключается не в создании нового европейского ядерного оружия, а в создании щита на основе французских *force de frappe*.

Крайне деликатный вопрос

В свою очередь, президент ХДС Фридрих Мерц ранее намекнул на возможность «диалога с Великобританией и Францией о том, как создать потенциальный ядерный щит для Европы» (*Süddeutsche Zeitung*, 27 мая). Оправдывая своё молчание, министр обороны Писториус пояснил: «В ядерном вопросе мы привержены участию в НАТО [...]. Все остальные проблемы очень деликатны и могут обсуждаться конфиденциально» (*Welt am Sonntag*, 18 декабря).

Атлантисты и пацифисты выступили против идеи создания европейского ядерного оружия. Мари-Агнес Штрак-Циммерманн, депутат от СвДП и председатель комитета по обороне Бундестага, известная своими атлантистскими взглядами, отметила: «ЕС не нужно собственное ядерное оружие, у него даже нет собственных вооружённых сил» (*FUNKE Mediengruppe*, 12 декабря). Рассуждая в том же ключе, Рольф Мютценх, лидер фракции СДПГ в Бундестаге и представитель левого крыла партии с пацифистскими тенденциями, считает предложение Мюнклера нереализуемым из-за недостаточной централизации полномочий ЕС: «В настоящее время нет европейского органа, который мог бы принимать решения, касающиеся такого оружия». Он также считает «маловероятным», что Франция действительно готова поделиться своим ядерным оружием (*Frankfurter Rundschau*, 9 декабря).

В дебатах между экспертами, организованных двумя главными аналитическими центрами Германии – Немецким обществом по изучению политики (DGAP) и Фондом науки и политики (SWP), – противники европейского сдерживания, часто принадлежащие к атлантистским кругам, противостоят более европейским

течениям. Последние поддерживают идею с различными формулировками, но всегда подчёркивая совместимость с НАТО. Из общего ряда голосов выделяется позиция Маркуса Кайма, старшего научного сотрудника Группы международной безопасности SWP, предлагающего «развивать немецкое ядерное оружие самостоятельно» (*Der Spiegel*, 21 декабря). С ним в SWP не согласна Клаудиа Мейджор, по мнению которой «независимая ядерная инициатива Германии была бы ошибочным, дорогостоящим и антиевропейским решением» (*Der Spiegel*, 30 декабря).

Предложение Мейджор близко к тому, что было сделано Вольфгангом Ишингером. По мнению бывшего немецкого дипломата и экс-председателя Мюнхенской конференции по безопасности, необходимо увеличить обычные силы и сохранить нынешний формат участия Германии в ядерной составляющей НАТО. Также следует укрепить трансатлантический союз в области ядерного сдерживания, обсудив с Францией и Великобританией европеизацию их ядерных сил, но обязательно привлекая к этому процессу американцев, чтобы избежать «отрыва» европейской безопасности от Соединённых Штатов. Ишингер также опровергает аргумент о том, что ядерный потенциал Франции не может быть распространён на остальную Европу до тех пор, пока президент этой страны не будет готов поделиться красной кнопкой. Он пишет на страницах *Handelsblatt* (11 января): «Если это так, то почему мы семьдесят лет терпеливо выносили то, что американский президент никогда не разделял с нами решение о развёртывании ядерного оружия?».

Lotta comunista, январь 2024 г.

В. И. НЕВСКИЙ История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Коминтерн и палестинский вопрос

«В великой мировой войне все маленькие нации служили прекрасным орудием для империалистических целей», – писал сотрудник отдела агитации и пропаганды Исполкома Коминтерна (ИККИ) Моисей Рафес (1883–1942) в опубликованной весной 1920 года в Москве брошюре «Палестинский погром и палестинская идея». Рафес утверждал, что учреждение в Палестине «еврейского национального очага» является «провокацией, жертвой которой должны стать обманутые еврейские и арабские трудящиеся массы».

Эта оценка была закреплена в Резолюции по национальному и колониальному вопросам II конгресса Коминтерна (1920). В центре дискуссии, предшествовавшей принятию резолюции, находился вопрос о движущих силах революционного процесса в Палестине. Главными участниками дебатов были представительница образованного в марте 1919 года Коммунистического Бунда Мария Фрумкина (1880–1943), член Центрального Бюро Еврейских секций РКП(б) Абрам Мережин (1880–1937) и глава делегации Социалистической рабочей партии Палестины – «Поалей Цион» (СРПП-ПЦ) М. Кон-Эбер.

Пролетарский интернационализм против национального единства

На рубеже XIX–XX веков в российском сионизме возникло социалистическое течение, участники которого положили начало колонизации Палестины. С конца XIX века и до начала 1920-х годов число сионистских кружков в России постоянно росло, за исключением периода спада в межреволюционные годы. Накануне Октябрьской революции Российская сионистская организация, созданная в 1902 году, объединяла свыше 1200 групп. В книге «Сионистское движение в России» (Иерусалим, 1977) израильский историк И. Маор отмечал, что «хотя политический сионизм и возник как всемирная организация – как массовое движение он существовал только в России».

Этот вопрос требует отдельного детального рассмотрения, пока же ограничимся основными фактами. Первая группа «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») была создана в 1900–1901 годах в Екатеринославе (ныне украинский город Днепр) по инициативе еврейских публицистов Бера Борохова (1881–1917) и Шимона Добина (1869–1944). В 1907 году в Гааге представителями «Поалей Цион» разных стран Европы и Америки был учреждён Всемирный социалистический союз еврейских рабочих «Поалей Цион» (ПЦ). На первом этапе своего существования он был связан с сионистским движением Теодора Герцля (1860–1904), но в 1909 году российские «Рабочие Сиона», стремясь «сохранить пролетарскую независимость социалистического сионизма»¹, вышли из Всемирной сионистской организации (ВСО).

В начале XX века еврейское население Палестины в основном состояло из ортодоксальных религиозных общин, получивших обобщённое наименование «старый ишув», что в переводе с иврита означает «заселённое место, население». Они проживали в четырёх «священных городах» Палестины: Иерусалиме (36.000), Цфате (8.000),

Твери (4.000) и Хевроне (1.000), а также в Яффо (10.000) и Хайфе (3.000). Эта старейшая часть еврейского населения Палестины состояла из сефардской общины, сформировавшейся на Пиренейском полуострове. В неё также влились иммигранты из Северной Африки, Бухары, Ирана и других восточных стран. Другую часть «старого ишува» составляла ашкеназская община, главным образом состоявшая из восточноевропейских евреев. «Новый ишув» был образован колонистами-сионистами, в основном это были выходцы из Восточной Европы, в первую очередь из «черт осёдлости» бывшей Российской империи, именно они и составили костяк еврейского рабочего движения Палестины.

К концу первой мировой войны палестинская «Поалей Цион» стала ведущей политической организацией «нового ишува», объединив практически все еврейские рабочие организации «земли обетованной». В марте 1919 года на её базе была создана новая организация – «Ахдут ха-Авода» («Единство труда») во главе с будущим первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом (1886–1973). Призывая к консолидации всех национальных сил в деле строительства «еврейского национального очага», «Союз труда» заявил о вступлении в ВСО. Интернационалистическое меньшинство палестинской «Поалей Цион», возглавляемое Я. Меирзоном и Я. Халедей, не приняло этого решения и в октябре 1919 года образовало в Яффо СРПП-ПЦ. Меирзон, избранный её председателем, писал о «старых марксистах», присоединившихся к ВСО: «Они поменяли красное знамя интернациональной солидарности пролетариата на бело-голубое знамя национального единства. Крах «Поалей-Цион» – это крах реформизма». Тем самым лидер СРПП-ПЦ помещал свой выбор в контекст «всемирной борьбы между лагерем революционных сил и лагерем реформизма в рядах международного рабочего движения».

«Еврейский национальный очаг» в Палестине под протекторатом Великобритании СРПП-ПЦ воспринимала как «правоохранное убежище» для сионистской буржуазии, «объёмной ужасом перед близким торжеством пролетарской диктатуры», называя его «сионистским националистическим гетто»² для еврейских трудящихся-иммигрантов.

На пути к Коминтерну

На V съезде Всемирного социалистического союза еврейских рабочих в Вене (август 1920 г.) подавляющее большинство делегатов Советской России, Польши, Чехословакии и Австрии отвергло любые формы сотрудничества с ВСО и объявило о создании Всемирного еврейского коммунистического союза – «Поалей Цион». Тем самым позиция СРПП-ПЦ получила широкую поддержку в европейских странах. В ряде случаев организации «Поалей Цион» за пределами Палестины, в том числе в Советской России, стали восприниматься как отделения СРПП-ПЦ, которую, в свою очередь, стали рассматривать как организационный центр Всемирного еврейского коммунистического союза – «Поалей Цион». Но большинство «Поалей Цион» США и, главное, самой Палестины во-

шло в ВСО. В 1923 году они вступили в Социалистический рабочий Интернационал А. Хендерсона, Ф. Адлера и Э. Вандервельде, тогда как Всемирный еврейский коммунистический союз – «Поалей Цион» с момента своего образования ориентировался на Коминтерн. «Показателем подлинно социалистического характера каждой «рабочей партии» является её отношение к мировой войне и революции в России, – заявлял Меирзон. – Империалистический Лондон или пролетарская Москва? Август 1914 г. или октябрь 1917 г.? Бальфур или Ленин? Сионистский конгресс или Коммунистический интернационал?»³.

Первоначально мандатная комиссия II конгресса Коминтерна отказалась включить Кон-Эбера в состав делегатов как представителя организации, ещё не изжившей «националистических предрассудков». Ему был предоставлен статус гостя, но затем он получил совещательный голос в качестве представителя партии, «стремящейся к переходу на коммунистические позиции»⁴.

Позиция СРПП-ПЦ на Конгрессе была изложена в подготовленном председателем партии и делегатом Первого съезда народов Востока (г. Баку, 1–8 сентября 1920 г.) Я. Меирзоном меморандуме «Палестинизм как фактор революции на Востоке». Партия выступала за совместную борьбу «еврейского и арабского пролетариата [...] за создание новых коммунистических форм общежития в Палестине»⁵.

ИККИ выдвинул два условия принятия палестинских коммунистов в Коминтерн: выполнить требования «21 условия приёма в Коминтерн» и изменить название партии. СРПП-ПЦ к тому моменту уже именовала себя Еврейской коммунистической партией. ИККИ настаивал на замене прилагательного «еврейская» на «палестинская». 5–6 октября 1920 года на II съезде организации в Яффо партия приняла условия Коминтерна, в апреле следующего года ИККИ постановил «временно, до III конгресса принять компартию Палестины в Коминтерн в качестве сочувствующей»⁶.

Градualистский интернационализм

Теоретической основой «Поалей Цион» был палестинизм – своеобразная версия австромарксизма, в которой особое место занимала национально-историческая дифференциация. В соответствии с теорией «реального национализма» основателя поалей-ционского движения Б. Борохова, пролетариат угнетённой нации был способен на подлинную классовую борьбу лишь после того, как он добьётся освобождения в своём собственном национальном обществе. Таким образом, участие еврейского пролетариата во всемирной классовой борьбе обуславливалось обретением им национальной автономии. Борохов при этом противопоставлял буржуазный и пролетарский сионизм: если для первого политическая территориальная автономия была конечной целью, то для второго она являлась лишь переходным этапом на пути к социализму.

Центральное Бюро Еврейской секции РКП(б) видело в палестинизме попытку «соединить коммунистическую идею с приверженностью к си-

онистской идеологии»⁷. Это грозило опасностью искусственного отделения борьбы пролетариата еврейского меньшинства от борьбы пролетариата арабского большинства. Защищая свою позицию, Кон-Эбер дал оценку арабского национального движения: «[В Палестине] мы имеем дело со стремлением кочевых племён Аравийской пустыни [...] установить древнейшие формы рабства осёдлого населения этих стран, т. е. феодальную организацию господства вождей этих племён над крестьянским населением»⁸.

В обращении СРПП-ПЦ к Первому съезду народов Востока председатель партии Меирзон утверждал, что еврейский пролетариат должен «пойти в авангарде» и в силу его организационной связи, с одной стороны, «с революционным движением Ближнего Востока, а с другой – [...] европейск[им] пролетариат[ом]», стать «тем фактическим звеном, которое соединяет национально угнетённый Восток с социально-закабалённым Западом» в их «решительной борьбе против империализма и его колониальной политики»⁹. СРПП-ПЦ правильно оценивала отсталость арабского национального движения, но, по всей видимости, не была способна в полной мере усвоить стратегию Коминтерна.

На Съезде в Баку было принято обращение «К народам Востока», которое, по существу, являлось стратегической программой антиимпериалистической политики Коминтерна. Её краеугольным камнем был призыв к антиколониальной борьбе с английскими и французскими угнетателями. В разделе, посвящённом палестинскому вопросу, арабские и еврейские трудящиеся Палестины призывались к совместной борьбе против общего врага – Великобритании, которая «согнала с земель арабов, чтобы отдать эти земли еврейским поселенцам [...], а затем [чтобы подавить] негодование арабов, натравила их на ея же посаженных еврейских поселенцев, сея раздор, вражду и ненависть [...], ослабляя одних и других, чтобы самой властвовать и повелевать» (Первый съезд народов Востока. Стенографический отчёт. Петроград, 1920).

Таким образом, главной задачей организации революционного движения в Палестине было, по определению ИККИ, достижение интернационального единства арабских и еврейских трудящихся в борьбе против империализма.

Ноябрь 2023 г.

1 - Агапов М. Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е–1930-е гг.: Тюмень, 2011. С. 89.

2 - Там же. С. 122.

3 - Косач Г. Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартия Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-30-е годы. М., 2001. С. 153.

4 - Второй конгресс Коминтерна. М., 1934. С. 618.

5 - Агапов М. Г. Истоки советско-израильских отношений ... С. 101.

6 - Там же. С. 123.

7 - Там же. С. 101.

8 - Второй конгресс Коминтерна. М., 1934. С. 152.

9 - Агапов М. Г. Истоки советско-израильских отношений ... С. 106.

Крупные группы российского империализма

“Ядерное возрождение” даёт шанс российскому империализму

Ядерная энергетика использует в качестве сырья уран, плотность энергии которого очень высока: 1 кг этого минерала с обогащением до 4 % при полном выгорании выделяет энергию, эквивалентную образующейся при сжигании примерно 100 т высококачественного каменного угля или 60 т нефти. Кроме того, АЭС работают на максимальной мощности более 92 % времени в году без дозаправки. Но и это не всё: расщепляющийся материал (уран-235) в ядерном топливе в процессе его эксплуатации выгорает не полностью и может быть использован снова. АЭС помогают снизить эмиссию CO₂, а связанная с их строительством, эксплуатацией и развитием индустрия выступает мощным драйвером создания рабочих мест в смежных отраслях. Ещё один немаловажный аспект: на АЭС доля несчастных случаев со смертельным исходом на несколько порядков ниже, чем на объектах по производству нефти и природного газа и даже на ВЭС.

Но по-настоящему эффективно использовать эту, как и любую другую, технологию сможет лишь коммунистическое общество; сейчас этому препятствуют капиталистическая конкуренция энергетических фракций, борьба между государствами и иррациональные страхи электоральной базы.

Потерянное десятилетие старых метрополий

В марте 2011 г. произошла авария на АЭС “Фукусима – 1”, а последовавшая за ней негативная реакция “общественности” заставила власти Японии приостановить работу 46 из 50 действующих энергетических реакторов страны (возобновили работу всего 9). Доля ядерной энергетике в выработке электроэнергии упала с почти 1/3 до менее 1/10 в 2019 г. В некоторых других странах также начала проводиться антиядерная политика: так, менее чем через 3 месяца после аварии решила полностью отказаться от атомной энергетике к 2022 г. Германия (с тех пор были окончательно остановлены 6 из 17 энергетических реакторов страны). Свои планы по выводу из атомной энергетике к 2025 г. подтвердила Бельгия. В Италии провалился поддерживаемый правительством план по возвращению ядерной энергетике, закрытый после референдума 1987 г. (но вопрос строительства мини-АЭС пока остаётся открытым), а Испания и Швейцария решили не строить новые АЭС. Определённое давление испытывали и старые ядерные державы Франция и США. Однако всё это не помешало тому, что в 2013 г. атомная генерация снова начала расширяться, и это происходило 7 лет, пока в 2019 г. она не достигла своего второго пика в 2.657 ТВт·ч. Это объясняется тем, что за чуть более чем десятилетие центр расширения ядерной энергетике переместился в Азию, на долю которой теперь приходится более 2/3 всех строящихся реакторов. В общей сложности с 2011 по 2020 г. было добавлено 59 ГВт мощности, включая 37 ГВт в одном только Китае, что более чем компенсирует потерю мощностей в старых метрополиях, для которых десятилетие 2011–2020 гг. стало потерянным.

Ядерное возрождение

В 2021 г. МАГАТЭ впервые после аварии на “Фукусиме” увеличило свой

прогноз по росту общей мощности АЭС в мире, а на следующий год продолжило эту тенденцию. В декабре того же 2022 г. МВФ опубликовал статью с громким заголовком “Ядерное возрождение”, заявив, что вторжение России на Украину ознаменовало «резкий поворот» в судьбе атомной энергетике всех “развитых” стран, которая получила ещё один шанс, когда из-за войны постпандемический дефицит электроэнергии превратился в полноценный энергетический кризис. И это лишь один из непреднамеренных результатов войны, имеющих более или менее долговременные последствия.

Эта интервенция и одновременно политическая оферта МВФ также обвиняла в “лицемерии” сложившуюся систему финансирования целей развития в области климата и обличала «богатые страны», которые «пытаются монополизировать глобальные ресурсы ископаемого топлива в ответ на энергетический кризис», в то время как ЕС, администрация Байдена и глобальное климатическое движение «оказывают давление на самые бедные страны мира», не обладающие достаточными инфраструктурой и технологическими возможностями, требуя от них того, чего не могут достичь “развитые” страны, – обеспечить энергией свою экономику без значительной дополнительной разработки ископаемого топлива.

В октябре 2022 г. статью “Силы мировой реакции” о возрождении ядерной энергетике опубликовало одно из ведущих бизнес-изданий России – “Коммерсантъ”, резюмируя текущий момент: «Власти Японии [...] задумались о строительстве новых станций, Франция, Великобритания и Южная Корея объявили о [...] амбициозных атомных программах, а США решили продлевать срок работы своих АЭС. Даже самые нетерпимые к мирному атому власти Германии вынуждены отказываться от закрытия своих последних энергоблоков хотя бы на предстоящую зиму».

В ЕС основной “коалицией”, продвигающей ядерную энергетике, стал треугольник Франция – Финляндия – Польша, а против него последовательно играли Австрия, Германия, Люксембург и Португалия.

Сражение на поле углеродной нейтральности

Но благоприятная конъюнктура способствовала успеху первого альянса. Ещё одной ключевой точкой ядерного возрождения стало голосование Европарламента 21 ноября 2023 г. за включение ядерной энергетике (в том числе будущих технологий, связанных с малыми модульными реакторами) в список 17 стратегических технологий “The Net-Zero Industry Act”, а кульминацией стал тот факт, что 28-я Конференция сторон ООН по изменению климата (COP28) впервые признала актуальную роль ядерных технологий в достижении глобальных целей декарбонизации.

Естественно, что в это противостояние включился и российский империализм. Он принял участие в COP28 и присоединился к заявлению “Net Zero Nuclear Industry Pledge” – международной инициативы, объединяющей более 120 компаний в 140 странах мира, направленной на трёхкратное увеличение мировых ядерных мощностей к

2050 г. Ранее, в 2020 г., он принял Единую отраслевую политику в области устойчивого развития и присоединился к Глобальному договору ООН.

Конкуренция за “целину”

Следуя в русле мировой повестки энергетического перехода, “Росатом” готов ускорять проекцию влияния РФ в восходящих регионах. По мнению МАГАТЭ, основной точкой роста для атомной энергетике в ближайшие 20–30 лет могут стать “регионы-новички”, среди них Африка, Азия и Средний Восток. Именно там уже давно присутствует “Росатом”, имеющий неплохие стартовые позиции для конкуренции в новом цикле: по данным МАГАТЭ, сегодня в мире строится 58 энергоблоков АЭС, из них 21 блок – проекты “Росатома”. В списке АЭС “Руппур” (Бангладеш), “Эд-Дабаа” (Египет), “Куданкулам” (Индия), “Бушер” (Иран), “Суйдапу” и Тяньваньская АЭС (Китай), “Аккую” (Турция). Кроме того, обсуждаются или заключены предварительные соглашения о строительстве энергоблоков в Армении, Бразилии, Киргизии, Мьянме, Нигерии, Узбекистане и Шри-Ланке.

Восхождение “Росатома” было связано с возможностью использования им сочетания ряда конкурентных преимуществ. Во-первых, постоянная практика строительства энергоблоков в России, позволяющая поддерживать имеющиеся компетенции и развивать новые технологии: только за 10 лет после 2011 г. он подключил к сети 8 энергоблоков, в то время как в Западной Европе за последние 20 лет был запущен лишь 1 энергоблок на АЭС “Олкилуото” в Финляндии, который французская Électricité de France (EDF) строила 17 лет, США за тот же период построили всего 2 блока – “Vogtle 3” (подключён в апреле 2023 г.) и “Vogtle 4” (ожидаётся, что начнёт работу в начале 2024 г.). Их строительство началось в 2013-м, впервые с 1977 года. Во-вторых, способность и желание российского государства предоставлять долгосрочные (на 20–30 лет) кредиты на строительство “чужих” АЭС, что является обычной международной практикой в атомной энергетике: «Коммерческие банки такие условия предоставить не могут, а для генерирующих компаний найти несколько свободных миллиардов долларов не [...] просто» (“Коммерсантъ”, 17.10.2016). И российское государство активно поддерживало “Росатом”, осуществив «одно из наиболее осмысленных вложений нефтяных сверхдоходов, которые обрушились в то время на страну». В-третьих, слабая национальная валюта и дешевизна рабочей силы: в основном за счёт этих факторов выручка “Росатома” только в 2013–2015 гг. в рублёвом выражении выросла более чем наполовину.

Вездесущий Китай

Сегодня на поле строительства реакторов за рубежом серьёзно конкурировать с “Росатомом” могут лишь компании из двух стран – Франции и Южной Кореи. Но в эту гонку уже начинает включаться Китай: так, в конкурсе на строительство АЭС в Казахстане, помимо традиционных “Росатома”, французской EDF и южнокорейской Korea Electric Power Corporation (KEPCO) (в лице “дочки” Korea Hydro Nuclear Power,

KHNP), участвует китайская China National Nuclear Corporation (CNNC). Правда, KEPCO и CNNC пока имеют слабый референс-лист и построили лишь по одной работающей станции за рубежом: корейцы продолжают строительство АЭС “Барака” в ОАЭ, а китайцы запустили 2 энергоблока на АЭС “Карачи” в Пакистане на собственных реакторах HPR1000 (разработаны на базе французского проекта).

CNNC активно участвует в добыче урана в Казахстане, который может стать альтернативой для Запада, в случае если тот решит отказаться от поставок минерала из России. Также Китай усиливает взаимодействие с Казахстаном в области исследований и разработок в сфере атомной энергетике.

И пусть эксперты провластного мозгового центра РСМД считают, что между РФ и КНР в Центральной Азии установилось партнёрское взаимодействие «с согласованным распределением ролей в регионе», это не отменяет объективных законов империалистического противостояния. “Потерянное десятилетие” старых метрополий и “ядерное возрождение”, безусловно, сыграли на руку российскому империализму, но они же вырастили его нового и гораздо более опасного, чем старые конкурента.

Январь 2024 г.

Степлов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова “Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала” (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Сопро­тивле­ние эмигрантов испанской гражданской войны

Участие в Движении Сопротивления испанцев, эмигрировавших от репрессий после поражения в гражданской войне в 1939 году, – славная и драматичная страница, о которой известно слишком мало, поскольку она плохо вписывается в демократические и национальные схемы официальных интерпретаций.

Восстание франкистских вооружённых сил против республики в 1936 году, реакция испанского пролетариата и последовавшая за этим кровавая война с прямым и косвенным вмешательством великих держав, сталинистские репрессии против анархистов-интернационалистов и коммунистов в Барселоне в 1937 году не являются темой этого исследования, однако необходимо вспомнить как минимум два момента.

Гражданская война в Испании не была, как обычно говорят, «предвосхищением» антифашистского альянса второй мировой войны, которая началась в сентябре 1939 года (через 5 месяцев после окончания войны в Испании) с вторжения Германии в Польшу и её раздела Гитлером и Сталиным, которые теперь стали союзниками, тогда как в Испании были противниками. «Антифашистская» коалиция (США, Англии и СССР), в чём-то повторявшая расклады, существовавшие в Испании, была воссоздана лишь в момент, когда Гитлер напал на СССР в июне 1941 года, т. е. спустя почти 2 года.

Бойцы испанской гражданской войны в СССР

Именно в тот момент, пока в Испании шла гражданская война, в СССР проходили Московские процессы, в ходе которых была практически истреблена большевистская партия и многие лидеры III Интернационала. Если помнить этот факт, то можно лучше понять, почему сталинисты хотели задушить потенциальный альтернативный революционный полюс в Барселоне.

Даже граждане СССР, участвовавшие в испанской войне, несмотря на то, что они приспособились к политике Сталина, по возвращении в свою страну предстали перед судом и были расстреляны. Государственный капитализм не мог допустить риска того, чтобы подрывная практика, вновь испытанная в Испании, вернулась в СССР. После 1945 года «нахождение в Испании» стало поводом для обвинения на сталинистских судах также и в странах Восточной Европы, находившихся под контролем СССР. Во Франции, где массово укрывались испанцы, их депортировали и держали подальше от местного населения, которое они могли «заразить».

Испанские эмигранты: ещё одно Сопротивление

Пьетро Рамелла в книге 2003 года «La Retirada» («Отступление») пишет, что после падения Барселоны миллионы испанцев скопились у французских границ, преследуемые и расстреливаемые самолётами (итальянских фашистов). Французскому правительству, которое первоначально их отвергло, в конце концов пришлось принять более 500 тыс. человек, но оно испытывало их долгим ожиданием и жёстко вмешивалось, когда эмигранты пели «Интернационал» в поездах, в которые их распределяли. Им предлагали репатриацию с обещанием неприкосновенности, но вернувшихся тут же расстреливали. Альтернативой было зачисление в Иностранный легион, от вступления в который они яростно отказывались.

Большинство из них было отправлено в дюжину концлагерей на негостеприимных, продуваемых всеми ветрами пляжах Руссийона. Это были необорудованные места, окружённые тремя заграждениями из колючей проволоки и охраной с пулемётами. Другие лагеря, с ещё более невыносимыми условиями жизни, были организованы в Марокко, где интернированных эксплуатировали в пустыне на принудительных

работах и где практиковались суровая дисциплина, тяжёлые наказания и заключение «горячих голов» в тюрьмы. Вся 26-я дивизия Дуррути (10,2 тыс. человек), которая «последней покинула Испанию», была заперта в «печально известном замке Коллиур».

Из-за бесчеловечного обращения «усилились беспорядки», и «ночью охранники не смели заходить внутрь» лагерей. Вокруг заборов бродили «местные аграрные собственники, которые нанимали самых способных за нищенскую зарплату, отбирая их словно на невольничьем рынке». Газеты разжигали антииммигрантские кампании; желание правительства держать их подальше от французских городов было очевидным.

В лагерях сталинисты, получив от французских властей, которые считали их представителями СССР, тогда ещё их союзника, руководящие должности, исключали анархистов и коммунистов-интернационалистов из своего круга, составляя списки «нежелательных противников» для передачи полиции. Антисталинисты организовывались, и тогда происходили ожесточённые столкновения. Ситуация резко изменилась после подписания в августе 1939 года пакта Гитлера – Сталина: теперь французы считали сталинистов предателя-

ми. Естественно, интернационалисты остались для французской полиции такими же «подлецами», как и всегда.

Когда началась вторая мировая война, 83 тыс. испанцев были призваны в плохо оснащённые полки не доверявших им военных иерархов и участвовали в опасных действиях, неся большие потери. В Дюнкерке испанцы были погружены на борт последними, и на суше остались 6 тыс. человек вместе с «цветными» войсками из французских колоний. После поражения десятки тысяч испанцев были отправлены на принудительные работы, а 40 тыс. высланы в Германию, подвергшись жесточайшему принуждению, а их семьи были возвращены в лагеря для задержанных.

Генерал Де Голль участвовал в войне на стороне союзников, в том числе с войсками, находившимися в колониях. Там служили тысячи испанцев в составе 13-й полубригады Иностранного легиона. Однако многие из них после освобождения из лагерей в Северной Африке отказались воевать под французским флагом из-за перенесённого обращения и вступили в ряды англичан (которые, однако, выдавали их за латиноамериканцев!). Сталинисты только после вторжения Германии в СССР создали партизанскую организацию испанских иммигрантов, правда, исключив из неё анархистов и коммунистов-антисталинистов.

Депортированные интернационалисты

Энрико Аччай и Илария Канселла провели исследование, касающееся добровольцев-интернационалистов из Тосканы, и смогли дать некоторые обобщённые оценки («Storie di indesiderabili e di confini», 2017). По завершении последней отчаянной битвы при Эбро в июле 1938 года интернационалисты были выдворены из Испании по решению правительства Негрина при поддержке Сталина, чтобы разыграть «советскую» дипломатическую карту по отмежеванию от этих событий на заключительном этапе войны, которая решалась в пользу фалангистов.

Оба автора пишут, что «политика [СССР] по отношению к своим ветеранам была двусмысленной и запутанной, так как она в существенной степени была подчинена более актуальным вопросам международного уровня». «Незаинтересованность в судьбе испанских добровольцев не должна вызывать удивления, если принять во внимание, что внешняя политика была приоритетом для Советского Союза по сравнению с антифашистской борьбой». То есть, поясним мы, в те месяцы в Москве уже готовился переход от изначального союза с Фран-

цией и Англией к соглашению с нацистской Германией.

После содержания эмигрантов в импровизированных и непригодных для жизни «пляжных лагерях» в тексте рассматривается ситуация с перемещением внутри страны. Лагерь Ле Верне считался «одним из самых жёстких с точки зрения дисциплины», а лагерь Гурс – «одним из крупнейших и самых ужасных», куда изначально были помещены тысячи анархистов из колонны Дуррути вместе с их командиром полковником Рикардо Сансом.

Однако они начали реагировать «тихими демонстрациями» по случаю таких годовщин, как 1 мая: «не нарушая строя после обращений», чтобы почтить память товарища, погибшего из-за перенесённого им издевательства; запевали «революционные песни» из казарм, в то время как сто интернированных повстанцев подвергались «избиениям, когда их заставляли пройти между рядами охранников». Реакция заключённых выливалась в массовые демонстрации, порой с использованием силы, с целью «освободить» своих товарищей, помещённых в невыносимые условия наказания.

Когда в лагерь Гурс прибыла военная комиссия для набора рабочей силы, стало ясно, что заключённые «не хотят работать на французов после того обращения, с которым они столкнулись». Некоторые интернационалисты «отреагировали с пренебрежением. За несколько часов ситуация стала напряжённой, и начальник лагеря насчитал не менее 1.500 заключённых, находившихся на грани. Когда, пытаясь успокоить ситуацию, он решил прибегнуть к помощи своих людей в качестве посредников, реакция интернационалистов всех ошеломила: испанские ветераны хором начали петь «Марсельезу».

Сталинисты и интернационалисты

В лагерях сталинисты взяли на себя управление, дискриминируя «тех, кто открыто критиковал советский сталинизм». Но критиковавшие смогли организовать сопротивление. В Гурсе «первыми, кто выступил против такого порядка вещей, были некоторые немецкие и австрийские троцкисты», и «ситуация достигла такого уровня напряжения, что возникла необходимость сформировать автономную роту номер девять, состоящую из интернированных», которую нужно было держать отдельно, потому что в её состав входило 500–600 заключённых, решительно выступавших против сталинистов.

С июля 1939 года то, что началось как «простая акция протеста», превратилось в «настоящую организованную оппозицию», назвавшую себя Groupe d'Internationaux Indépendants (Группой независимых интернационалистов). Члены «Девятой» роты, «главной характеристикой» которой был «антисталинизм, начали распространять призывы за пределы лагеря, чтобы заявить миру о своём существовании». В январе 1940 года, когда Финляндия подверглась нападению СССР, «Девятая» рота в этой сложной и драматичной ситуации выступила с сильным заявлением: «У нас есть два смертельных врага», – гласило обращение, подписанное немцем Паулем Эдвардом Кохом, – «Гитлер и Сталин».

Международная антифашистская солидарность

DANS LES CAMPS DE LA MORT

OU LA FRANCE OFFICIELLE se montre l'auxiliaire de Franco

Европейская оборонная промышленность

Намерения Германии по перевооружению Европы

В 2022 году мировые военные расходы выросли на 3,7 %, европейские – на 13 %. Империализм Старого континента последовательно перевооружается, но основная часть усилий по-прежнему предпринимается на национальном уровне без централизации и координации в общеевропейском масштабе. Война на Украине привела к расширению и сплочению рядов НАТО, но в то же время ослабила стремление Европы к собственной военной автономии.

Именно в этом контексте нужно интерпретировать намерения Олафа Шольца, который добивался поворотного момента – *Zeitenwende*, а также изменения, произошедшие сразу после российского вторжения на Украину в конце февраля 2022 года и связанные с созданием специального фонда для закупки оружия на сумму 100 млрд евро.

Хребет

Воля немецких политических лидеров состоит в том, чтобы увеличить потенциал Германии, исходя из понимания европейских слабостей. В общих чертах это подразумевает следующее. Германия, оставаясь твёрдым союзником США в НАТО, должна превратиться в ведущую сухопутную военную державу континента, т. е. стать «хребтом европейского сдерживания», по выражению министра обороны Бориса Писториуса. Берлин должен укрепить и расширить соглашения со странами севера и востока континента, сохранив их связь с франко-германской осью. Таким образом можно было бы перебалансировать эти отношения.

Михаэль Шёллхорн (генеральный директор Airbus Defence and Space) говорит о бундесвере как о «вооружённой силе, на которую другие могут рассчитывать и которая соответствует уровню экономической мощи страны» (*Les Echos*, 24.11.2023). Эксперт берлинского исследовательского центра SWP Пиа Фурхоп резюмирует концепцию: «Чтобы стать гарантом европейской безопасности, Германия должна соблюдать свои обязательства, в том числе обязательства перед своими гражданами: держать русских снаружи, европейцев объединёнными и американцев внутри» (*IAI Commentaries*, март 2023 г.).

Rheinmetall и «способность вести войну»

Стоимость акций производителя танков и боеприпасов Rheinmetall в этом году выросла на 40 %, что является лучшим показателем по индексу DAX Франкфуртской фондовой биржи. С начала конфликта на Украине эта стоимость даже утроилась, и этот рост намного больше, чем умеренные +18 % всего европейского оборонного сектора. Rheinmetall планирует удвоить годовой доход к 2026 году, доведя его почти до 14 млрд евро. Если бы это удалось, то она поднялась бы с 30-го места в рейтинге мировых производителей оружия SIPRI почти до первой десятки.

Немецкая группа подписала соглашение с украинским «Укроборонпромом» о создании совместного предприятия, которое сначала будет заниматься техническим обслуживанием, а затем и производством боевых танков. Министр по вопросам стратегических отраслей промышленности Украины цинично приветствовал это соглашение, заявив, что килограмм военной техники даёт больше 20 тонн пшеницы.

Если Rheinmetall – королева фондовой биржи, то Писториус, согласно опросам, –

самый популярный министр в правительстве Германии. Он не раз говорил, что Германия должна быть «способна вести войну», поскольку это позволяет ей «сдерживать возможного агрессора». Он считает, что специального фонда для перевооружения достаточно, но только в том случае, если он будет сопровождаться ежегодными военными расходами, равными 2 % ВВП, т. е. их необходимо увеличить как минимум на 10 млрд евро в год. По его мнению, с этим согласны 72 % граждан. После 30 лет получения «дивиденда мира», заключает он, стране пора «увеличить капитал».

Специальный фонд вооружений окончательно одобрен голосами 83 % немецких парламентариев; ситуация с годовыми ассигнованиями на оборону иная. Решение Конституционного суда о нецелевом использовании средств, выделенных на борьбу с коронавирусом, серьёзно потрясло как правительственную коалицию, так и процесс формирования очередных федеральных бюджетов. Ещё только предстоит увидеть, насколько это отразится на дотациях бундесверу.

Препятствия в создании промышленных альянсов

Стремь поставить себя в центр европейского перевооружения, Берлин год назад запустил программу ESSI (European Sky Shield Initiative), к которой присоединились около 15 стран. Это противоракетный щит, созданный на базе немецкой системы «SLM IRIS-T», американской «Patriot» и израильской «Arrow-3». Париж был очень раздражён тем, что не была принята во внимание франко-итальянская система «Sampr/T». Ответ Германии на жалобы Франции заключался в том, что следует учитывать уже готовое оружие, а не оружие интегрированной европейской системы, пока существующее только на бумаге.

Компания Rheinmetall представила новый танк «Panther KF51». Это может стать препятствием, которое отодвинет сроки создания франко-германского танка нового поколения MGCS (Main Ground Combat System). Италия стремится присоединиться к программе, но тем временем намерена в среднесрочной перспективе закупить 400 экземпляров последней версии «Leopard 2A8», в производстве которых приняла бы участие группа Leonardo.

По данным английской прессы, Германия могла бы выйти из проекта по созданию франко-германского истребителя «FCAS/SCAF». Эту новость опровергают, но Люфтваффе тем временем закупает американские истребители «F35». Директора Dassault Эрика Траппье, однако, беспокоит вето Германии на экспорт истребителей «Eurofighter Typhoon» в Саудовскую Аравию. В отношении SCAF «мне говорят, что проблем не будет, но я смотрю на проблемы, которые возникают сегодня с «Typhoon», и мне становится не по себе» (*Le Figaro*, 06.12.2023).

Сроки заключения франко-германских промышленных союзов, подтверждённых на политическом уровне, удлиняет целый ряд препятствий.

Рамочная нация

Идея реорганизации немецкой армии, сопровождающая *Zeitenwende*, помогает понять концепцию европейского хребта. Она предусматривает формирование трёх крупных подразделений в течение пяти лет. В состав десятой танковой ди-

ГЕРМАНИЯ: ПЛАНИРОВАНИЕ РЕСУРСОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ФОНДА

визии войдут голландская механизированная бригада, а также франко-германская и чешская бригады, а к первой танковой дивизии присоединится ещё одна голландская бригада. В состав воздушно-десантной дивизии DSK (Division Schnelle Kräfte) войдут румынская бригада и немецко-британский десантный логистический батальон. А Seebataillon – единственный немецкий морской полк – будет действовать на борту голландского десантного корабля «Karel Doorman».

С 2013 года в НАТО была сформирована FNC (Framework Nation Concept), которая рассматривает Германию как рамочную страну для 20 других государств с точки зрения развития долгосрочного военного потенциала. В концепции участвуют страны Скандинавии, Балтии, Бенилюкса и Восточной Европы. Благодаря этому механизму были задействованы: часть сил быстрого реагирования НАТО (с голландскими, бельгийскими и норвежскими войсками); MAG (Multinational Air Group); объединённое командование военно-морских сил стран Балтии, базирующееся в Ростоке; наконец, JSEC (Joint Support and Enabling Command), базирующееся в Ульме. Задача FNC – облегчить и организовать транспортировку войск и материалов через различные европейские государства, управляя логистикой и, если возможно, устраняя бюрократические задачи, дав жизнь *военному Шенгенскому соглашению*.

Ещё одна особенность бундесвера состоит в наличии трёх крупных автономных служб: SKB (Streitkräftebasis), занимающихся техническим обслуживанием и логистикой со штатом в 22 тыс. человек; центральной службы здравоохранения (ZSanDstBw) со штатом в 20 тыс. врачей и медсестёр; CIR (Cyber- und Informationsraum), в котором 17 тыс. солдат работают над безопасностью и цифровизацией вооружённых сил.

Министр Писториус назначил комиссию для разработки предложений по реструктуризации этих подразделений. Основная цель заключается в том, чтобы передать обязанности SKB различным национальным подразделениям, в то время как служба здравоохранения и киберслужба, напротив, стали

бы функционировать как каркас континентальной обороны.

Распределение акций специального фонда иллюстрирует эту тенденцию (см. вставку). В настоящее время одобренные ресурсы достигают более 65 млрд евро, в том числе объём средств, выделенных на логистику, телекоммуникации и компьютеризацию, в совокупности составляет 19,5 млрд евро, т. е. около трети от общей суммы. Финансируемые программы, такие как D-LBO (Digitalisierung Landbasierter Operationen) или GMN (German Mission Network), имеют своей основной целью гарантировать и стандартизировать связь и совместимость с союзными вооружёнными силами.

Ядерные и обычные

Кельнский центр экономических исследований IW (Institut der Deutschen Wirtschaft) подсчитал *мирный дивиденд*, полученный за период с 1990 по 2020 год. Он вывел его значение из разницы между средними военными расходами в 1980-е гг. и последующие 30 лет. Для Германии он составил 394 млрд евро, тогда как Франция сэкономила всего 25 млрд евро. Мы можем предположить, что большая часть разницы связана с тем, что Париж продолжал платить за поддержание и развитие своих средств ядерного сдерживания. Франция выдвинула этот вопрос на обсуждение, но официальных ответов пока не получила.

Бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер в недавнем интервью объяснил, что при столкновении с шантажом со стороны России и возможными разногласиями с Америкой «ЕС понадобится собственное атомное сдерживание», потому что одним только британских и французских арсеналов будет недостаточно. Но для Фишера, столкнувшегося с неизбежно длительными временными рамками ядерной проблемы, «приоритетом является потенциал сдерживания в обычном секторе: это урок, который преподаёт нам Украина». В любом случае европейский империализм пополняет арсеналы, надеясь, что у него на это будет достаточно времени.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Издательская новинка

Глобализация неопределён

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллуто *“Crisi del debito e crisi dell'ordine”*.

Концепции глобализации и деглобализации представляют собой теоретический синтез множества процессов и линий.

В версии 1989 г. Джона Уильямсона из Института Петерсона, глобализация представляла собой политическую программу полного открытия международных рынков. В концепцию вошли кризис Российской империи, первые китайские реформы, «восточноазиатское чудо», провозглашённое Всемирным банком, бесславное отступление кейнсианства перед лицом давления дерегуляции, конец государственного интервенционизма, расцвет экспансии международной торговли. Всё это, казалось, свидетельствовало о торжестве либеристского порядка во всём мире. Уже в то время либеристский триумфализм казался чрезмерным (и включал откровенно безумные идеи, как “конец истории”), поскольку сознательно игнорировал роль государственного капитализма как в пробуждении Китая, так и в успехах тех экономик, которые впоследствии назовут “азиатскими тиграми”. Для марксистов открывалась историческая фаза, которую мы обозначили как цикл империалистическое либеризма.

В период кризиса 2008 г. и в последующие годы эти теоретики столкнулись с проблемой деглобализации. После паники они начали задумываться о всеобщем ограничении мобильности капитала, свою роль в этом сыграло типичное для каждого кризиса предпочтение ликвидности. Но, прежде всего, идеологический кризис либеризма и страхи средних слоёв дали волю ксенофобии, неприятию глобализации и совраианским требованиям, которые в современных США приняли свою самую изысканную форму «внешней политики средних классов», т. е. политики, обещающей вернуть рабочие места, капитал, технологии и доходы или сохранить их внутри страны. Антиглобалистские идеологии представляют собой страхи собственных прослоек, которые в Соединённых Штатах за двадцать лет либеризма в среднем утроили свои активы, но теперь не считают, что либеризм крупных финансовых групп может дать им какие-либо гарантии, несмотря на то, что в посткризисный период сумели в среднем удвоить свои активы.

В Европе динамика величины средних активов была менее впечатляющей. Исследование ЕЦБ охватывает период с 1999 по 2019 г.: в восходящей фазе цикла средние активы семей выросли на 40 %, после кризиса они оставались стабильными до 2019 г. Средние значения не описывают сильное и даже чрезмерное неравенство, созданное кризисами и фискальной и монетарной политиками: они накаляли, прежде всего, пролетариат, но также увеличили дистанцию между буржуазными и мелкобуржуазными слоями и децилями.

В концепции так называемой деглобализации смешаны разнообразные процессы. Во-первых, кризис мультилатерализма – отравленный продукт унилатерализма США. Жертвой этого кризиса стали судебные органы ВТО, взятые в заложники Вашингтоном и утратившие свою функциональность.

Во-вторых, процессы реструктуризации и замещения внутри глобальных цепочек добавленной стоимости, которые с разной степенью интенсивности сопровождают каждый кризис, включая катастрофу на АЭС “Фукусима-1” в Японии. Реструктуризация, затронувшая все метрополии, произошла уже в 1970-е – 1980-е гг. в ответ на нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг., сопровождавшиеся как политическими, так и военными кризисами, и привела к освоению новых месторождений углеводородов, ставшему возможным благодаря росту цен на нефть. Сегодня пандемия, война и антикитайский активизм Вашингтона, сопровождаемые санкциями и субсидиями, усиливают необходимость диверсификации поставщиков. В-третьих, стихийные процессы регионализации торговли, нашедшие выражение в значительной части двусторонних или многосторонних соглашений о свободной торговле, которые отражают концентрацию и централизацию производственных и сбытовых процессов. Они являются частью той фрагментации, которую осуждают ВТО и МВФ. Эти процессы запустили политику регионализации правительств и нашли отражение в геополитических стратегиях, варьирующихся от декаплинга до более мягкого дерискинга, то есть снижения рисков чрезмерной зависимости от одного поставщика (будь то Россия или Китай), одним из вариантов которого стала более дружественная по отношению к Пекину формула “Китай + 1”. В-четвёртых, возвращение государства в экономику с мерами социальной защиты и защиты рынка усиливают роль государства в промышленной политике, регулировании и попытках направлять потоки торговли и капитала. Наконец, политическое обострение в отношениях держав. Оно приняло форму технологического декаплинга в сфере передовых технологий с явной целью отсрочить догоняющее развитие Китая и сохранить технологическое первенство США в мире. Хотя полный декаплинг от китайского гиганта невозможен, он стал идеологической формулой в противостоянии и рычагом, заставившим и другие страны примыкать к этой линии.

Рецессия 2009 г. стала первым крупным спадом в послевоенной мировой торговле. Международные институты, исходя из отношения глобального экспорта товаров и услуг к ВВП, отметили, что пик процесса глобализации пришёлся на 2008 г. Это отношение постоянно росло с 1986 г., когда оно составляло 16,8 %; в 2000 г. оно выросло до 23,6 %, а в 2008 г. – до 31 %. После 2008 г. оно следовало зигзагообразной траектории, достигнув своего минимума (26,4 %) во время двух рецессий 2009 и 2020 гг. Но затем соотношение так и не упало до уровня 2000 г., более того, в 2022 г. оно почти повторило исторический пик – +30,6 %. Мировой экспорт товаров и услуг, исключая перемещения между странами ЕС (единый рынок рассматривается как внутренний рынок), демонстрирует ещё большее восстановление: отношение экспорта товаров и услуг к ВВП увеличилось с 18,1 % в 2000 г. до 23,2 % в 2008 г. и 26,1 % в 2022 г. Если рассматривать только экспорт товаров, то наибольший вклад в восстановление внёс ЕС, в то время как относительный вклад Америки и особенно Китая снизился.

	ОТНОШЕНИЕ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ К ВВП, %		
	2000	2008	2022
Мир	14,7	18,9	20,3
ЕС (27)	11,8	11,8	16,3
Китай	20,6	31,1	20,0
США	7,6	8,7	8,1

По текущему курсу доллара; исключая торговлю внутри ЕС.

Источники: WTO, “International Trade Statistics”, 2004, 2009, 2022; Всемирный банк.

Главы ВТО и МВФ представили две полярно противоположные концепции международной торговли, но обе явно критикуют Вашингтон.

По оптимистической версии генерального директора ВТО Нгози Оконджо-Ивеалы, «разговоры о деглобализации расходятся с данными о торговле. Глобальная торговля товарами достигла рекордного уровня в 2022 году. Более трёх четвертей торговли осуществлялось в рамках тарифных условий “режима наибольшего благоприятствования”, которые правительства распространили на всех членов ВТО. [...] Торговля между Соединёнными Штатами и Китаем достигла рекордного уровня в 691 миллиард долларов в 2022 году, что на 24 % выше, чем в 2019 году. Доля промежуточных затрат – на товары, используемые для производства других товаров – в мировом экспорте остаётся примерно постоянной, что позволяет предположить, что в международных цепочках поставок не произошло массового решоринга. Компании по-прежнему принимают решения о выборе поставщиков, исходя из соображений стоимости и качества. Политические меры всё ещё могут изменить этот расчёт, но не в одночасье». Оконджо-Ивеала предлагает начать «реглобализацию», которая включит частичную переориентацию «в нескольких секторах» и откроет доступ к цепочкам поставок таким странам, как Бангладеш, Камбоджа, Марокко и Вьетнам. При обширном решоринге, делящем мир на «два отдельных блока, [...] производственные потери будут намного больше, чем те, что были вызваны глобальным финансовым кризисом». Оптимистичная реглобализация Оконджо-Ивеалы, похоже, содержит в себе предложение сторонникам реиндустриализации “развитых” стран. Нынешняя реглобализация, утверждает она, будет отличаться от предыдущей, которая благодаря «индустриализации, основанной на экспорте, трансформировала Восточную Азию». Драйверами нового роста станут прежде всего услуги.

Директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева, напротив, крайне встревожена быстрым ростом протекционизма и рисками фрагментации мирового порядка. Она заявляет: «Международное сотрудничество отступает. [...] Мир является свидетелем растущей фрагментации – процесса, который начинается с растущих барьеров для торговли и инвестиций и в своей крайней форме заканчивается распадом [объединения] стран на конкурирующие экономические блоки. [...] Фрагментация способствует ряд сильных держав». Цена этого процесса будет высокой: «Со спадом торговли и увеличением барьеров глобальный рост испытает серьёзный удар. Согласно последним прогнозам МВФ, годовой рост

ВВП в 2028 году составит всего 3 %, что является самым низким прогнозом за последние три десятилетия».

Георгиева настаивает на осуждении торговых барьеров: «Усиление ограничений торговли товарами и услугами между странами может сократить ВВП на 7 %, или на 7,4 триллиона долларов, что эквивалентно совокупному ВВП Франции и Германии. [...] В последние годы торговые барьеры быстро распространялись: в 2019 году страны ввели менее тысячи торговых ограничений, в 2022 году это число выросло почти до трёх тысяч». Георгиева явно открыта к недавним требованиям БРИКС: квоты для членов МВФ должны распределяться исходя из их «относительного положения в мировой экономике», фонд должен отражать «экономические реалии сегодняшнего мира, а не прошлого века», и иметь «инклюзивное управление». Инклюзивность, по мнению директора-распорядителя, необходима потому, что надвигаются бури. Заключение этого выступления на платформе CFR, судя по всему, призвано подать тревожный сигнал либеристским группам Восточного побережья: «Период быстрой глобализации и интеграции подошёл к концу, и протекционистские силы находятся на подъёме. Возможно, единственное, что можно сказать наверняка об этой новой хрупкой и фрагментированной глобальной экономике, – это то, что её ждут потрясения. [...] Это будет ухабистая поездка. Международная финансовая система должна пристегнуться».

Если относительный оптимизм ВТО подтверждается недавней статистикой, то тезис о деглобализации находит серьёзные аргументы в снижении объёмов движения капитала, которое гораздо более выражено, чем в сфере торговых потоков. В годовом отчёте ЮНКТАД (органа ООН, мониторящего международные инвестиции) за 2020 г. было написано: «Трансграничные инвестиционные потоки в физические производственные активы перестали расти в 2010-х годах». Прямые иностранные инвестиции не прекращались, за исключением периода рецессии, но их поток ослаб и не может продемонстрировать динамизма лет процветания, особенно в “развивающихся” странах, которые не способны заменить недостающий иностранный капитал внутренним. Транснациональные корпорации сохранили среднюю норму прибыли на уровне около 6 %, а за последние два года она приблизилась к 9 %.

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ:
чистый приток/ВВП, %

	2000	2007	2022
	Мир	4,6	5,3
ЕС (27)	8,7	10,0	2,5
Китай	3,5	4,4	1,0
США	3,4	2,4	1,4

По текущему курсу доллара; включая инвестиции внутри ЕС.

Источники: Всемирный банк.

Кризис глобальных отношений и последующие кризисы оказали долгосрочное воздействие на метаболизм капиталистического риска.

Попытки объяснить замедление темпов роста внутренних и международных инвестиций затронули

НОСТИ, ВОЙНЫ И ИНФЛЯЦИИ

многие проблемы, возникшие в последние десятилетия.

Некоторые экономисты рассматривают глобализацию и деглобализацию как циклическое явление. Петер А. Г. ван Бергейк, профессор международной экономики и макроэкономики в Университете Эразма Роттердамского, считает, что цикличность возникает из-за увеличения относительных издержек по сравнению с выгодами глобализации. По сути, это версия теории уменьшающейся отдачи, или роста издержек на капитал (постоянный и переменный) в странах с «развивающейся» экономикой.

Большое количество учёных помещают в центр замедления глобализации или тенденции к деглобализации демографический спад и старение населения, так как последние имеют определённые последствия для производительности труда и производительности системы в целом, а также приводят к необходимости повышать норму сбережений в ущерб норме инвестиций.

«Вековая стагнация» бывшего министра финансов США Ларри Саммерса объясняла стагнацию инвестиций падением гипотетической «естественной процентной ставки», то есть той, которую инвестор готов заплатить, чтобы получить ссудный капитал для инвестирования. На определённых этапах капиталистического цикла предполагаемая «естественная ставка» становится отрицательной: это означает, что инвесторам неудобно брать займы даже при нулевых процентных ставках. Отсюда и отрицательные процентные ставки, с которыми столкнулся ЕЦБ.

Бен Бернанке, будучи председателем ФРС, поддержал получивший значительное внимание тезис о *saving glut* (переизбытке глобальных сбережений). Большие массы прибавочной стоимости, добытые в странах с «развивающейся» экономикой, в частности в Китае, в некоторых странах Восточной Азии и регионе Персидского залива, получающих нефтяные доходы, а также в России, Нигерии и Венесуэле, были перелиты в развитые метрополии, особенно в Америку. Эта прибавочная стоимость финансировала частное потребление американцев и покупку домов через кредитную систему; импорт товаров для удовлетворения потребительского спроса быстро ухудшил торговый дефицит США, в то время как обилие сбережений снизило процентные ставки, раздувая ипотечный пузырь во Флориде и Калифорнии. Бернанке отмечал, что американская финансовая система, которая должна была переработать *saving glut* в иностранные инвестиции в «быстро развивающиеся» страны, по-прежнему путалась в процессе их переработки внутри Соединённых Штатов. Это было более пронизательное прочтение так называемого «Бреттон-Вудса – II», который другие авторы представляли как начало молчаливого союза между Китаем и Америкой, призванного укрепить долг Вашингтона.

Наряду с тезисами, призванными объяснить критические точки тенденции глобализации, появились позиции, указывающие на деглобализацию и фрагментацию как на выбор, к которому следует стремиться. Журналистка *Financial Times* Рана Форухар поддержала эту линию в своей

книге 2022 г. «*Homecoming*». Форухар считает, что «определённый уровень деглобализации – это не отступление или провал, а необходимое и долгожданное решение», потому что «хорошо, что разные страны и сообщества действуют по-разному». Форухар считает, что «глобализация, которую мы знали в последние десятилетия, потерпела неудачу». Она не верит, что тут можно найти баланс: «Глобализация не вернётся к нормальности. Мы будем жить в биполярном, если не трёхполярном, мире, при этом разные регионы будут двигаться в разных направлениях». Биполярный вариант – это решение, при котором Европа присоединится к США. Журналистка считает, что «регионализация» и «локализация» – оптимальные направления деятельности бизнеса: «регионализация и локализация – это будущее». Форухар напоминает, что технологический *декаплинг* и переделка технологических цепочек уже практиковались Вашингтоном, «когда Япония пыталась доминировать во всей сфере физической инфраструктуры компьютеров». Рейган ввёл тарифы и квоты на японский экспорт, начал субсидировать следующее поколение компьютерных технологий и переместил «многие отрасли промышленности из Японии в Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Малайзию». [...]

Для определения места, которое держава занимает в мире, решающее значение имеет критерий величины её активов и пассивов в международных инвестициях, но в то же время он двойственен. Два главных соперника в нынешнем стратегическом противостоянии – Китай и США играют две диаметрально противоположные роли с точки зрения их чистых международных инвестиций. Китай вместе с Гонконгом представляет собой крупнейшую державу-кредитора в мире с накопленными чистыми активами в 4,292 трлн долл. по состоянию на 2022 г. Соединённые Штаты являются крупнейшей державой-должником с чистыми обязательствами в размере 16,172 трлн долл., и их долг за последние 5 лет более чем удвоился. В своём «Империализме...» Ленин цитирует Шульце-Геверница: «Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем»¹. Речь идёт не об отношениях частных кредиторов и должников, а об отношениях держав. Кредитором в то время была держава-гегемон – Англия. «Её военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает её от возмущения должников»², – заявлял Шульце-Геверниц. Сегодня держава-гегемон – Соединённые Штаты – является по преимуществу должником, а её иностранные кредиторы (друзья и соперники) владеют 35 % её государственных облигаций. Различные роли не меняют характер связи между должником и кредитором, но усиливают её противоречивый характер: доли американского долга, принадлежащие иностранным правительствам, также составляют решающую часть валютных резервов в долларах; владельцем мировой резервной валюты является, прежде всего, именно должник, и по этой причине он также имеет право налагать санкции на своих кредиторов. Сможет ли Америка справиться с «бунтом кредиторов», например, с требованием коалиции БРИКС реформировать МВФ или с

размещением на рынке крупных частей американского долга? Заключение в августе геополитический квазисоюз между Вашингтоном, Токио и Сеулом ориентирован не только на дипломатию и оборону, но и на доллар. Трёхстороннее партнёрство объявило, что министры финансов этих стран будут встречаться раз в год. Япония и Южная Корея входят в число крупнейших в Азии держав с торговым профицитом. Япония имеет самый большой после Китая и Гонконга консолидированный профицит в Азии – 3,156 трлн долл. Токио также является крупнейшим держателем американского долга. Южная Корея имеет четвёртый по величине профицит в Азии (771 млрд долл.) и занимает место после Сингапура. Геополитическая коалиция является гораздо более сильной гарантией, чем соглашение о кредитном свопе.

Неравномерное развитие привело к разной степени интеграции различных сфер мировой торговли. В своём выступлении в октябре 2021 г., ближе к концу второго года пандемии, председатель ЕЦБ Кристин Лагард указала на следующий парадокс: в период с 1999 по 2019 г. доля внешней торговли (экспорт + импорт) в ВВП выросла в еврозоне с 31 до 54 %, а в США только с 23 до 26 %. «Хотя социальная модель Европы означает, что протекционистское давление остаётся ниже, в конце 2010-х годов мы начали наблюдать новый сдвиг в сторону протекционизма в других крупных экономиках». Иными словами: Америка, меньше вовлечённая в мировую торговлю, чем Европа, больше пострадала от либералистской интеграции, потому что у неё нет всеобщей системы социального обеспечения. Наступление на глобализацию в форме унилатерализма Трампа началось из менее глобализированной метрополии. Похвалив европейскую модель соцобеспечения за её «политику распределения», Лагард, однако, напомнила о необходимости того, чтобы Европа «признала, что мир быстро меняется, и перепроверила, является ли её модель роста достаточно сбалансированной», исходя из двух соображений. Первое: «[Возрождение] протекционизма начало сигнализировать о том, что глобальный экономический порядок ставится под сомнение». Второе: «[Темпы] глобализации после 2008 года замедлились, и рост мировой торговли больше не превышал рост ВВП».

Лагард также была обеспокоена количеством ограничительных мер, которые ударили по рынкам. «Тенденция к протекционизму, – предупреждала она, – не проявляет признаков ослабления». ЕЦБ подсчитал, что если бы крупная экономика (например, США) подняла уровень барьеров (тарифных и нетарифных) до 10 %, то мировая торговля потеряла бы 3 %, а ВВП – 1 %. За протекционистскими мерами Лагард увидела «сдвиг в промышленной политике, возглавляемый Китаем и Соединёнными Штатами, в сторону преобладания безопасности над эффективностью в цепочках поставок». Это было бы особенно вредно для Европы, учитывая её приверженность глобализации.

Лагард предложила Европе адаптироваться к этим неприятным тенденциям. По её мнению, в долгосрочной перспективе было необходимо вернуть домой полупроводниковую и фармацевтическую индустрии, а так-

же стимулировать рост внутреннего спроса и «зелёных» инвестиций, но не внешний спрос, а правительствам следовало продлить свою экспансионистскую фискальную политику.

В то время уровень инфляции в еврозоне составлял 3,4 %, а ЕЦБ продолжал *benign neglect*³, установив нулевую ключевую ставку и отрицательную ставку по депозитам (-0,50). В феврале следующего года Россия вторглась на Украину, но ЕЦБ продолжил свою экспансионистскую линию, несмотря на ускорение инфляции, связанное с войной. Лишь в июле он начал отчаянную борьбу с ростом цен, осуществив ряд повышений ставки, в то время как инфляция подскочила почти до 9 %. План Лагард по сосредоточению внимания на росте внутреннего спроса начал пересматриваться, и ЕЦБ предложил правительствам прекратить субсидии, введённые из-за пандемии, чтобы присоединиться к борьбе с инфляцией. Самым крупным рычагом экспансии, который всё ещё был доступен, стал фонд «Next Generation EU» объёмом 750 млрд евро, который, как сообщила Лагард в вышеупомянутой речи, мог бы увеличить потенциальный ВВП некоторых стран на 3 % к 2024 г. Эта перспектива также, вероятно, не будет реализована.

Новая речь Лагард в августе этого года в Джексон-Хоул, кажется, продолжает линию речи, произнесённой в октябре 2021 г. перед МВФ. Перемены, которые мы перенесли (пандемия, война, глобальная инфляция), указывают на то, что «мы можем вступить в эпоху изменений экономических отношений и разрывов устоявшихся закономерностей. [...] Мы живём в новую эпоху, прошлые закономерности больше не могут быть руководством к тому, как работает экономика». Лагард описывает геополитическую картину в мрачных тонах: «Мы столкнулись с постоянно углубляющимся геополитическим расколом и экономикой, которая фрагментируется на конкурирующие блоки. Это сопровождается ростом уровня протекционизма, поскольку страны перестраивают свои цепочки поставок в соответствии с новыми стратегическими целями. За последнее десятилетие количество торговых ограничений выросло в десять раз, а промышленная политика, направленная на репатриацию и поддержку стратегических отраслей, расширяется. И хотя это ещё не привело к деглобализации, свидетельств изменения бизнес-моделей становится всё больше».

Лагард считает, что «в эту эпоху неопределённости» центральному банку придётся адаптировать свои аналитические инструменты и «говорить о будущем, чтобы лучше понять неопределённость, с которой мы сталкиваемся».

В «эту эпоху неопределённости» рабочий класс должен поднять свой интернационалистский голос против всех империалистических держав и всех отрядов буржуазии, вступивших с ними в союз на том или ином фронте. Научный метод марксизма и ленинская партия – вот что придаёт нам уверенность в начале нынешней смены эпох.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

1 – ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 399.

2 – Там же. С. 398–399.

3 – Политику невмешательства.

Гиганты Азии

Хукоу замедляет социальную реструктуризацию

В 2020 году Си Цзиньпин дал себе «15-летнее окно для устранения двойной структуры города и деревни». С окончанием пандемии вопросы реформы хукоу – китайской системы прописки семей – вновь в повестке дня. В Китае место регистрации семьи может отличаться – и всё чаще отличается – от фактического места жительства. Это результат длительного капиталистического развития, разложившего деревню и беспорядочно урбанизовавшего сотни миллионов новых пролетариев.

Перепись 2020 года насчитала 493 млн хукоу, не соответствующих официальному месту жительства: 117 млн в том же городе, 251 млн в той же провинции и 125 млн между разными провинциями. Это десятилетний осадок капиталистической мобильности, размороженный отменой народных коммун в 1980-х годах и продолженный реформами хукоу, начавшимися с 1998 года – ключевого года, когда также была легализована собственность на жильё. Если же мы примем во внимание ещё сотни миллионов китайцев, чья регистрация изменилась в предыдущие волны реформы, то получим представление о широте процесса, завершение которого типично для империалистического созревания, но которое в Китае имеет особые последствия.

Реестр, затронутый изменениями

Вспоминаются оценки Антонио Голини касательно Италии времён послевоенного бума: 25 млн человек сменили коммуну проживания, 2,4 млн мигрировали с юга на север и в центр и 2,3 млн эмигрировали за границу (*«Distribuzione della popolazione, migrazioni interne e urbanizzazione in Italia»*, 1974). Внутренние и внешние миграционные потоки были лишь текучей частью реального социального метаболизма разложения крестьянства и урбанизации. Если рассматривать Италию как европейскую провинцию, то мобильность между китайскими провинциями кажется ещё выше.

В Китае же, прошедшем через большую часть этого обширного цикла, вопрос об отмене хукоу сводится к обобщению двух регуляторных аспектов социальной реструктуризации периода империалистической зрелости, которая в Европе началась с изменениями 1980-х годов. Во-первых, иммиграция в ныне зрелые метрополии новых подкреплений мировой пролетаризации: истощение внутренних потоков, которое может быть лишь замедлено с ликвидацией хукоу, фактически ставит сегодня вопрос о необходимости иммиграции из-за границы. Во-вторых, аспект социальных изменений в самих метрополиях, по крайней мере для той части населения, которая не имеет городской хукоу. Это касается доступа к недвижимой собственности, социальному обеспечению, образованию детей и государственным услугам для поколений иммигрантов. Преодолев определённый физиологически необходимый уровень, несоответствие хукоу становится препятствием для социальных изменений.

Последние резервы мигрантов и пенсионеров

«Плавающее население», рассчитанное без учёта смены места жительства

внутри городов, насчитывает 376 млн человек. Скачок по сравнению с оценкой 2019 года в 236 млн человек значителен и заслуживает двух замечаний. Со статистической точки зрения, перепись, проведённая в разгар пандемии с беспрецедентным уровнем откликов, считается более надёжной, чем предыдущие выборочные обследования. С политической точки зрения, пересмотр данных ставит под сомнение успехи «Национального плана урбанизации нового типа», запущенного в 2013 году, с историческим пиком мигрирующего населения в 253 млн человек в 2014 году. В серии комментариев в период с июля по декабрь экономист из Академии общественных наук КНР и советник Народного банка Китая Цай Фан даёт политическую интерпретацию. Он пишет, что «несовместимость стимулов, предоставляемых местными властями и центральным правительством», препятствовала корректировке городских регистраций. Автор видит в пересечении экономического замедления и демографического спада в Китае неотложную необходимость отмены хукоу, которая уже началась в «пилотной провинции» Чжэцзян.

Мартин Вулф на страницах *Financial Times* пишет, что в течение 30 лет Китай потеряет 113 млн жителей: пожилых людей старше 65 лет станет больше (+215 млн), однако сократятся возрастные категории от 20 до 64 лет (-191 млн) и до 20 лет (-137 млн). Если исключить иммиграцию из-за границы, двумя возможными мерами могут быть отмена хукоу и повышение пенсионного возраста, который ныне составляет 60 лет для мужчин, 55 лет для женщин-служащих и 50 лет для женщин-работниц. Таким образом, в период с 2021 по 2030 год сокращение населения трудоспособного возраста (-64 млн) будет компенсировано иммиграцией (+33 млн) и продлением трудоспособного возраста (+67 млн). Темпы в 3,7 млн мигрантов в год, однако, далеки от 1 % населения, которое в период «экономического чуда» «реформ и открытости» ежегодно переезжало в города.

Миграции между разными уровнями производительности

Цай Фан рассчитал, что существует значительное пространство для перенесения занятости из сельского хозяйства в другие отрасли экономики, взяв в качестве точки отсчёта показатели стран с высокими доходами, где в высокопроизводительном агропромышленном комплексе заняты 3 % по сравнению с 23 % в Китае. Автор усмотрел, однако, три противоречия: во-первых, темпы перехода рабочей силы из сельского хозяйства замедляются, к тому же увеличивается её средний возраст; во-вторых, нехватка рабочей силы и рост затрат на заработную плату снижают «конкурентное преимущество» Китая, во всяком случае, вынуждая промышленность вытеснять рабочую силу, чтобы «заменить её капиталом», прежде чем «сельский» бассейн будет полностью исчерпан, «что преждевременно»; в-третьих, отток в «отрасли и регионы с более низкой производительностью труда» и «переток рабочей силы из вторичной промышленности к третьей производственной отрасли в третичную с более низкой» контрастирует с потребностями реструктуризации и

способствует «уменьшению общей производительности в последние годы».

Доля обрабатывающей промышленности в ВВП упала за десятилетие с 40 до 33 %, хотя, по данным *Global Times*, её доля в глобальной добавленной стоимости промышленности составляет 30 %, что близко к сумме показателей США (17 %) и ЕС (15 %). Это порождает две потребности, которые актуализируют извечный вопрос о хукоу: расширение внутреннего спроса и повышение производительности.

Новые потребители и квалифицированные специалисты

Миа Нулимаймайти описывает дискуссию на страницах *South China Morning Post*. По мнению Цай Фана, «Китай представляет 17,8 % мирового населения, но вносит лишь 12,8 % в мировое потребление»: если бы рабочие-мигранты были превращены в городских граждан, это помогло бы использовать их невыраженный «потребительский потенциал». Лоу Цзивэй, бывший министр финансов, подсчитал, что доступ к городским услугам высвободит значительные суммы сбережений на потребление (+30 %) и владение жильём.

Формально в постоянное городское население (920 млн) входит доля «плавающего населения» без городской хукоу, но, с юридической и содержательной точек зрения, говорит Цай из *Обозревателя «Вёсен и Осеней»* в Шанхае, «неполная урбанизация» препятствует «социальной мобильности», не позволяя «жителям менять тип занятости, уровень доходов, социальную стратификацию, развитие семьи и восходящую мобильность». Наконец, что касается реструктуризации, «даже при повышении пенсионного возраста нынешняя рабочая сила всё равно не сможет предложить уровень квалификации, необходимый для модернизации промышленности». Неизбежную нехватку квалифицированной рабочей силы сможет облегчить лучший доступ к школьному и профессиональному образованию для второго поколения иммигрантов в город. Происходящая уже около 10 лет реструктуризация промышленности с переходом к отраслям с более высоким органическим строением капитала, или отраслям высоких технологий, требует наличия инженеров, техников и специализированных рабочих.

Хукоу среди документов о реструктуризации

Система матричной регистрации семей, введённая в 1958 году, фактически собрала и преобразовала в капиталистическом русле исторические материалы из династийной практики налогообложения, воинской повинности, демографического и судебного контроля. Это была правовая форма как попытки автаркического «Большого скачка», оказавшего давление на деревню, так и капиталистического взлёта «открытости», который в конечном итоге её разложил. Сегодня хукоу, как и право наследования в Европе XIX века или другие надстроечные аспекты, что оказывают «весьма заметное» контрвлияние на экономическое развитие, будет воздействовать на темпы реструктуризации; учитывая её повсеместность, она не может не переплетаться с другими аспектами реконструкции.

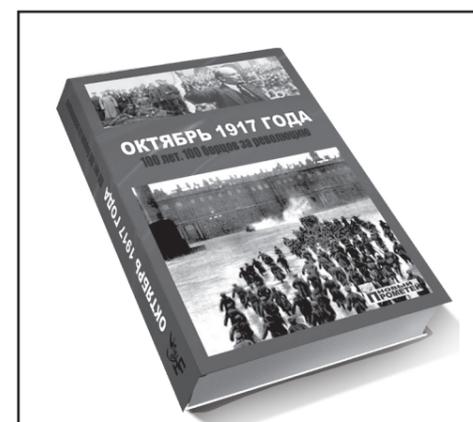
Связь с притоком новых жильцов в города и с домовладением напоминает попытку упорядоченного управления переходом к владению недвижимостью после десятилетий ускоренной урбанизации, тогда как связь с правами на сельскую землю переплетается с вопросом налогообложения в провинциях, долгое время зависевшего от передачи и купли-продажи недвижимости. С социальной точки зрения, расширение внутреннего рынка, обобщённые формулы «общего процветания» и «двойной циркуляции», требует мобильности соцобеспечения и собственности; тем временем потребности промышленной реструктуризации влияют на отраслевой состав и классовое расслоение.

Фискальная централизация

Модели 2014 года предсказывали, что предоставление городских хукоу рабочим-мигрантам будет стоить 1,5 % ВВП в течение 15-летнего периода и что 85 % этих затрат будут покрываться бюджетами провинций, которые несут расходы на местные государственные службы. Цай Фан предлагает постепенный подход с расширением системы социального обеспечения на «всех людей, все регионы и весь жизненный цикл» и, «как только это будет сделано», пересмотр полномочий и ответственности за расходы и доходы между центром и местными властями в сторону увеличения доли расходов центра. Это будет сопровождаться большей финансовой централизацией или по крайней мере большими требованиями в отношении провинций, не желающих ослаблять законодательство в сфере прописки, сокращать бассейн дешёвой рабочей силы, особенно в сфере услуг, или брать на себя более высокие расходы на соцобеспечение.

После ужесточения фискальной политики Чжу Жунци в 1994 году доля центрального правительства в доходах упала с 55 до 45 %, а доля центрального правительства в государственных расходах сократилась вдвое – с 30 до 14 %. «Фактический федерализм» в китайском стиле, возможно, накопил несоответствие потребностям империалистической реструктуризации.

Lotta comunista, январь 2024 г.

Октябрь 1917 года. 100 лет. 100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт, именной указатель, иллюстрации по тексту, хронология
ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Вспышки конфликтов, зажжённые войной в Газе

В своём комментарии от ноября прошлого года бывший сотрудник МИД Великобритании и советник лондонского мозгового центра IISS (Международный институт стратегических исследований) Джон Рейн расценил войну в Газе как подтверждение того, что на Среднем Востоке «негосударственные субъекты, от ополчений до политико-религиозных движений», обладают «непропорционально большой долей власти», которая, несмотря на «силу государств», «остается внешней по отношению к государственной системе». Они не определяют политику государств, но тем не менее остаются «постоянной чертой региональной геополитики».

Многие из этих формирований, продолжает Рейн, на протяжении десятилетий получали «материальную и моральную поддержку от государств-сторонников» или «сочувствующих» внутри государств. Курдские и палестинские группы жили за счёт «десятилетиях националистических устремлений и недовольства», исламские экстремисты – за счёт «радикальных идеологий», в то время как игроки в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене получали «финансовую и оперативную поддержку» из Ирана. Тегеран остаётся «державой, исключённой» из попыток сформировать региональный концерт, которые, по мнению Рейна, также являются «функцией глобального восхождения Китая». В этом случае региональные государства, включая Иран, в той или иной степени пытались «сочувствовать палестинцам [...], не рискуя оказаться втянутыми во взаимный военный конфликт или в конфликт с Израилем».

Комбинация идеологии и прагматизма Тегерана

«Негласной целью» государств, заключает Рейн, было «сохранить контроль над своей и региональной политикой». Его оценка переключается с нашим анализом. Мы писали, что «террористические осколки ближневосточной буржуазии, реакционный терроризм, отравленные семена средиземноморской политики» представляют собой «последствия линий империалистической политики, реализующейся в этом регионе более столетия»¹. Различные державы используют в качестве инструмента политического действия в том числе и национальный предлог.

Что касается региональных дозирок, то их отголоски можно услышать в тезисах Вали Каледжи – исследователя из Тегерана, близкого к кругам иранской оборонной политики. По его мнению, и дипломатическая нормализация между Саудовской Аравией и Ираном, совершённая при посредничестве Китая, и конфликт в Газе подорвали, по крайней мере на время, американские усилия по изоляции Тегерана. Ограниченный конфликт в Газе – это как раз та «война, которую желает Тегеран»: иранская поддержка ХАМАС не означает стремление к расширению конфликта, «как минимум в нынешней фазе»; в подтверждение аналитик приводит пример дозировки, которую использует Хезболла. Сочетая «идеологию и прагматизм», Иран стремится поддержать «локализованный» конфликт. Но реализовать это на практике непросто, считает Каледжи.

Так же думает и директор отдела безопасности на Среднем Востоке в IISS Эмиль Хокайем. По его словам, в этом

регионе войны не замыкаются «внутри государственных границ»: «Здесь сочетаются базовые эмоции и обиды, иностранное вмешательство, отсутствие процесса региональной безопасности и извечная слабость местной дипломатии, и утеkanie конфликта за пределы границ становится более вероятным». Останется ли конфликт в Газе «соперничеством за региональное влияние» или станет «открытой войной», будет зависеть от действий и реакций Израиля и Ирана. Совершённые Израилем точечные убийства руководителей Пасдаран и ХАМАС в Дамаске и Бейруте, признанные вполголоса Тель-Авивом, а также американская операция против хуситских ополчений в Йемене, могут «изменить представления» Ирана и спровоцировать его на ответные шаги, чтобы сохранить доверие к своим инструментам сдерживания. Однако сейчас исламская республика прибегает к стратегическому терпению. Хезболла, как и другие проиранские ополчения и организации так называемого «шитского полумесяца», «предоставляет [Тегерану] стратегическую глубину» и представляет собой «резервную карту» для сдерживания и Израиля, и США в случае возможной «будущей экзистенциальной борьбы». Это намёк на ядерную программу режима аятолл и её ускорение в направлении достижения порога военного атома.

Это элемент дискуссии между Эр-Риядом и Вашингтоном в рамках нормализации дипломатических отношений с Израилем. С точки зрения многих американских источников, Эр-Рияд хотел бы достичь договорённостей, аналогичных предоставленным Тегерану в рамках СВВД, который подписала администрация Обамы в 2015 году и от которого отрёкся Трамп в 2018-м, где немаловажная роль отводилась Израилю.

Израиль в лабиринте руин Газы

Эксперт по Среднему Востоку в мозговом центре британской армии RUSI (Британский институт оборонных исследований) Тобиас Борк считает, что последствия войны в Газе определяют региональный ландшафт к 2024 году. Перед Израилем встанут проблемы трёх типов.

Во-первых, чтобы восстановить доверие к своему сдерживанию, разрушенное 7 октября, Тель-Авив не приостановит операцию, пока не добьётся «устранения ХАМАС» от контроля над Газой и не разрушит его способность угрожать анклавом. Поскольку для достижения этих целей нужно применять и «духовные меры», Израиль, чей внутренний консенсус держится на стремлении окончить конфликт, должен будет добиваться и «символических побед», таких как устранение высших руководителей ХАМАС. Во-вторых, он должен будет разрешить ребус, как «управлять почти полностью разрушенным анклавом», чей вид навеивает воспоминания о Грозном, Мосуле, Ракке и Алеппо, если не уходить дальше в историю: непосредственно, то есть через повторную оккупацию, или через палестинскую или международную администрацию. Наконец, есть риск, что насилие на Западном берегу Иордана, достигшее пика со времён Второй интифады (2000–2005 гг.), породит третью проблему, углубляя по-

литическую поляризацию в Израиле, которую конфликт в Газе не устранил.

Неожиданный активизм Эфиопии

Англо-американская военная интервенция против хуситских ополчений в Йемене, по мнению RUSI и не только, нацелена на «сдерживание и уменьшение» нападений на торговый трафик в Красном море, чтобы избежать слияния палестинского театра с театром энергетических артерий. Тем не менее, по мнению Борка, хуситы и их иранские покровители преуспели в том, чтобы сдвинуть часть региональной геополитической панорамы; они продемонстрировали, что располагают инструментами, чтобы «держаться в заложниках» два «узких морских пролива, имеющих критическое значение для мировой экономики»: Суэц и Ормуз. Величина влияния Ирана и его ядерная программа, включает Борк, должны будут вернуться в число приоритетных вопросов не только для американских и европейских, но и для арабских и азиатских канцелярий.

Однако, как мы видели, кризис порядка открывает возможности для пересмотра и территориального утверждения даже в регионах, которые ощущают как средневосточную напряжённость, так и действия различных крупных и средних держав. Если хуситы тревожат воды Красного моря, то на Африканском Роге эфиопский демографический гигант ищет выход к морю, который Аддис-Абебе «жизненно важен» для её экономического развития. Поэтому оно подписало соглашение с самопровозглашённой республикой Сомалиленд, бывшей британской колонией, которая стала частью независимого Сомали, но отделилась в одностороннем порядке в 1991 году из-за кризиса сомалийского государства и последующей гражданской войны. Решение, принятое в Эфиопии, вызывает опасения по поводу исчезающих границ на чёрном континенте, но не встретило серьёзного международного сопротивления. Эфиопия, крупный получатель китайских, а также средневосточных инвестиций, как и Саудовская Аравия, ОАЭ и Иран, присоединилась в этом году к форуму БРИКС, презентующему себя в качестве своего рода противовеса растущих держав клубу стран старого порядка.

«Решение Zollverein» и «иорданский вариант»

В прошлом месяце мы вернулись к гипотезам Арриго Черветто относительно «решения Zollverein» для палестинского вопроса, то есть региональной экономической интеграции. Эти гипотезы можно найти в тезисах администрации Трампа, а затем и Байдена в рамках соглашений Авраама 2020 года и их распространения на Саудовскую Аравию. Мы упомянули Шимона Переса (1923–2016 гг.) – правую руку Давида Бен-Гуриона в министерстве обороны, архитектора израильской ядерной программы при поддержке Франции в 1955–1963 годах, а затем министра иностранных дел, премьер-министра и президента Израиля: в отношении соглашений Осло и мирного договора с Иорданией он призывал к созданию регионального «общего рынка» по модели Европейского общего рынка и Европейского экономического сообщества.

Его биограф Михаэль Бар-Зохар в книге 2007 года «Shimon Peres» пишет, что Перес был сторонником «иорданского

варианта» и отношений с Европой. Это обусловлено его личными отношениями внутри европейского социализма, а также с Жаном Монне, Франсуа Миттераном, Конрадом Аденауэром и баварцем Францем Йозефом Штраусом. До начала 1970-х годов Перес считал, что Израиль должен стремиться к экономической интеграции с Европой, а не со странами Среднего Востока. После 1974 года в ответ на намерения иорданской монархии создать иордано-палестинскую федерацию он выдвинул формулы таможенно-экономического союза с Палестиной, вновь предложенные в 1993 году.

С окончанием «холодной войны», считал Перес, в регион можно было направить «большие объёмы американского, европейского и азиатского капитала», экономически преодолев арабо-израильский конфликт, который начался с «раздела Палестины» в 1947 году. Как отмечает израильский историк Ави Шлайм, раздел был осуществлён, по сути, в результате «сговора» между ворованным еврейским государством и хашимитской монархией Иордании при британской, а затем и американской, поддержке. Тель-Авив и Амман были главными выгодополучателями от «палестинской гражданской войны», которую сионистская историография называет «войной за независимость». Второстепенными бенефициарами были Сирия и Египет, которые получили Голаны и сектор Газы от британского мандата в Палестине, отторгнутой от Османской империи, и контролировали их до 1967 года. Палестинский вопрос, пишет Шлайм, стал с арабской стороны скорее элементом межарабского идеологического и политического соперничества, чем «символическим ограничением» для различных конкурирующих между собой формул «панарабизма» («Collusion over the Jordan», 1988; «Lion of Jordan», 2008).

Иорданская монархия не поддерживала независимое палестинское государство, поскольку оно представляло потенциальную угрозу династии, и не могла, по крайней мере до 1988 года, отказаться от своих территориальных притязаний на Западный Берег реки Иордан, который до 1967 года представлял собой 50 % ВВП королевства и 30–40 % специализированной рабочей силы; также имел значение прискотр за Восточным Иерусалимом, третьей исламской святыней. Хотя Амман и не отвергал формулы Переса, он считал их чрезмерно оптимистичными и основывающимися на убеждении Переса, что он – «лучший из манипуляторов». Он размышлял также об израильском «экономическом протекционизме» на оккупированных территориях, которому способствовали колониальные поселения. Это было предприятие, стоимость которого, по некоторым данным, с 1967 по 2007 год составила около 60 млрд долл., со значительными интересами в сфере инфраструктуры, недвижимости, сельского хозяйства и повышения стоимости рынков земли (Dan Segre V., «Le metamorfosi di Israele», 2007). Мирный договор с Иорданией, заключённый в 1994 году, не сопровождался соглашением о свободной торговле, которого очень хотел Амман.

Lotta comunista, январь 2024 г.

1 -- Де Симоне Дж. Большой Средний Восток. СПб: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2017. С. 13.

Север и Юг в индийском федерализме

Кристоф Жаффрело, специалист по Южной Азии из парижского Центра международных исследований (CERI), считает, что недавнее поражение БДП в штате Карнатака можно рассматривать как результат углубления разрыва между Севером и Югом в области экономического развития и социальных преобразований.

Журнал *The Economist* уделяет внимание «глубоким региональным линиям разделения» в Индии. Он пишет, что «ни один южный штат не находится под управлением БДП, которая рассматривается как хинди-язычная северная партия». В статье осуждается политика «единой нации» Нарендры Моди и проект превращения Индии в нечто более похожее на европейское национальное государство: напряжённость между более богатым Югом и более бедным Севером увеличивается и будет нарастать в ближайшем десятилетии. Британский еженедельник полагает, что «великий волшебник» рискует распилить страну пополам.

Индийский Национальный Конгресс (ИНК) пытается ухватиться за эти вопросы. Однако Индия переживает «новую эру амбиций»: Пра-тап Бхану Мехта, бывший президент Центра политических исследований в Нью-Дели, утверждает, что любая критика этой эпохи, если она не сопровождается альтернативными амбициями, наполненными яркими мечтами, будет сведена на нет как педантизм. Варгезе К. Джордж, обозреватель газеты *The Hindu*, считает, что Конгресс должен перенять националистическую программу БДП, основанную на символическом ряде «Санатана Дхарма» (индуизм) и «Bharat» (название Индии на хинди и некоторых других индийских языках), но этот путь закрыт из-за риска потерять своих региональных союзников.

Т.Н. Нинан, бывший редактор *Business Standard*, отмечает, что такие вопросы, как передача налогов

из южных штатов в северные и восточные, пока не вызывают протестов, но партийное деление, идеально совпадающее с географическими и социально-политическими демаркациями, будет порождать риски. Необходимы упреждающие меры: расширение автономии регионов или Раджья Сабхи, верхней палаты парламента, для обеспечения регионального баланса в федеральной структуре. Тогда южные штаты поймут, что им необходим рынок Севера.

Опережающее развитие Юга

По многим параметрам северные штаты в начале 1960-х годов опережали южные. Рамачандра Гуха, авторитетный историк современной Индии, отмечает, что в 1960 году уровень бедности в сельской местности был выше в Тамилнаде, чем в Уттар-Прадеше. Юг начал обгонять Север с 1980-х годов, ускорившись в 1990-е годы: когда в 1991 году началась либерализация индийской экономики, Юг уже находился в более выгодном положении, поскольку располагал более квалифицированной рабочей силой. В 1990-е и 2000-е годы в Тамилнаде и Андхра-Прадеше росли заводы, машиностроительные колледжи, районы производства программного обеспечения и фармацевтики. Уттар-Прадеш и Бихар оказались заперты в бесконечном, как кажется, цикле конфликтов между общинами и кастами.

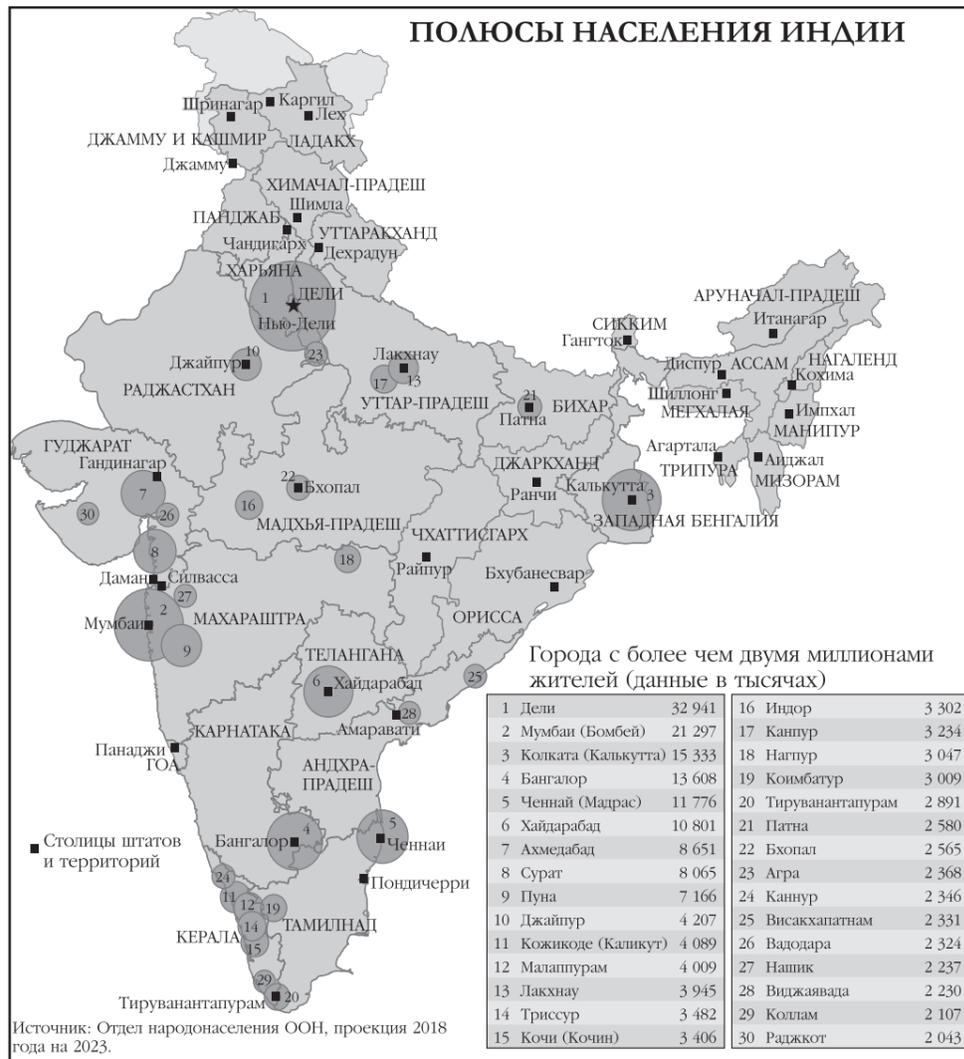
В 1981 году на долю южных штатов приходилось чуть более пятой части экономической активности страны, сегодня – почти треть. Среднегодовой доход на душу населения в четырёх ключевых северных штатах (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш и Раджастан) составляет около 4000 долларов США, в то время как в пяти южных штатах (Андхра-Прадеш, Карнатака, Керала, Тамилнад и Телангана) – более 10.000 долларов США. Индийцы, проживающие на Юге, в целом богаче, образованнее и старше тех, кто живёт на Севере: поток мигрантов по маршруту Север – Юг постоянно увеличивается.

Гуха обращает внимание на исторические причины: в прошлые века доступ к побережью и прибытие иностранцев в качестве торговцев и путешественников, а не завоевателей, способствовали открытому, не ксенофобскому подходу. Если же обратиться к более недавней истории, то Юг, не испытавший ужасов разделения Индии и Пакистана, также избежал его горького и долговременного наследия.

Фискальный вопрос

Эти диспропорции порождают и другие. Мадхья-Прадеш, имеющий такое же население, как и Тамилнад, собирает налогов в два с лишним раза меньше. Пять южных штатов обеспечивают около четверти доходов от GST – центрального налога на товары и услуги, аналогичного НДС, но при этом их доля в общем объёме трансфертов штатам составляет менее одной шестой.

В индийском бюджетном федерализме сохраняется вертикальный дисбаланс между центром и штатами. В 2020–2021 финансовом году на штаты пришлось 64 % всех государственных

ных расходов, но лишь 38 % доходов, тогда как их заимствования подлежат утверждению центром. Таким образом, сегодня штаты в большей степени, чем когда-либо, зависят от трансфертов центра. Их размер определяется каждые пять лет Финансовой комиссией (ФК), конституционным органом, на основе таких критериев, как численность населения и средний доход на душу населения. Когда последняя ФК (2020–2025 гг.) приняла решение использовать перепись населения 2011 г. в качестве основы для передачи налогов от центрального правительства штатам, правительства южных штатов выразили обеспокоенность: их доля сократилась с 17,98 % до 15,8 %. Напряжённость может возрасти, когда следующая ФК начнёт определять порядок распределения доходов на 2027–2032 гг.

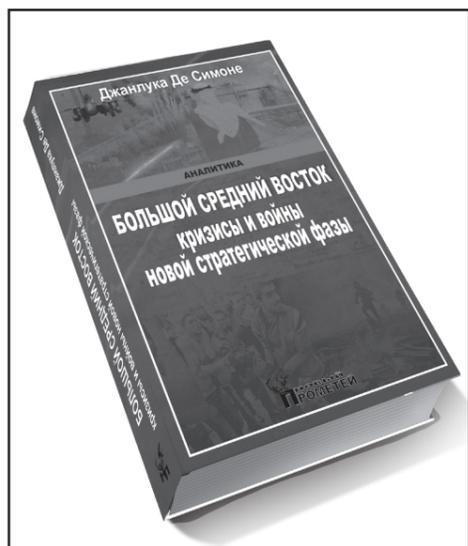
«Делимитация» мест

М.К. Сталин, главный министр штата Тамилнад и лидер ДМК, региональной партии, союзной Конгрессу, считает, что грядущая делимитация мест в нижней палате Лок Сабха на основе численности населения также является дамкловым мечом, висящим над головами южных штатов. Доля последних в населении Индии резко сократилась с 24,8 % в 1971 году до 19,9 % в 2021 году, в то время как доля Уттар-Прадеш и Бихар возросла с 23 до 26 %. Перераспределение мест привело бы к уменьшению политического веса южных штатов и увеличению северных.

Так называемая «делимитация» – это конституционное требование, которое должно выполняться после каждой переписи населения, чтобы скорректировать количество изби-

рательных округов в каждом штате и их границы на основе последних данных о численности населения. Однако в 1976 году по инициативе Индиры Ганди количество мест в Лок Сабхе и ассамблеях штатов было заморожено на 25 лет, чтобы не ущемлять южные регионы: затем БДП продлила эту меру до 2026 г.

Шаши Тхарур, член парламента от штата Керала, считает, что при перераспределении мест северные штаты получают большинство в две трети голосов, что потенциально позволит БДП, имеющей там большинство, внести изменения в конституцию страны без согласия Юга. Джаймини Бхагвати, бывший посол Индии и министр финансов с 1999 по 2002 год, утверждает, что для сохранения национального согласия лучше продолжать использовать перепись населения 1971 года ещё 30 лет как для распределения ресурсов между штатами, так и для определения числа депутатов в Лок Сабхе. Однако законопроект, предложенный БДП и практически единогласно принятый парламентом, увязывает выделение 33 % мест для женщин с перераспределением мест к выборам 2029 года и тем самым идёт в обратном направлении. Поддерживая расширение прав и возможностей женщин, БДП стремится ещё больше укрепить свою социальную базу на общенациональном уровне, усложняя одномерную политику общинной и региональной идентичности. И может давить на противников «делимитации», обвиняя их в препятствовании женским квотам. «Великий волшебник» готовит сюрпризы.

Джанлука Де Симоне

Большой Средний восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Страх и нарушение равновесия в Буэнос-Айресе

Мы публикуем статью наших испанских товарищей из газеты *El Internacionalismo*.

На президентских выборах в Аргентине победил аутсайдер Хавьер Милей (Буэнос-Айрес, 1970), ультралиберальный экономист, набравший 14,5 млн голосов, 56 % от общего числа поданных. Эта победа с наибольшим количеством голосов с момента окончания диктатуры (1983) вознесла в Каса Росада, резиденцию президента, «вестника страха», как назвала его каталонская *La Vanguardia* (15 августа). Эпигону Дональда Трампа и Жаира Болсонару в Буэнос-Айресе придётся управлять страной, переживающей глубокий кризис, который способствовал его возвышению, и иметь дело с дисбалансами, накопленными за предыдущие десятилетия и усугублёнными пандемией столетия.

Кандидат от основной перонистской коалиции Серхио Массе (11,5 млн голосов), бывший министр экономики, расплачивается за кризис, который ему не удалось остановить. Инфляция достигла 140 %, уровень бедности оценивается более чем в 40 %, а государственный долг и дефицит бюджета, по оценке *The Economist* (20 ноября), составляют 90 и 10 % от ВВП соответственно.

Милей, антикиршнерист

Перонизм уходит корнями в реакционный режим, заложенный в середине XX века генералом Хуаном Пероном и подражавший фашизму и франкизму, с сильным синдикалистским и соборским компонентом. Относительно этого неоднородного движения антрополог Алехандро Гримсон, профессор Национального университета Сан-Мартин в Буэнос-Айресе, пишет: «Перонизм никоим образом не может быть определён одним предложением» («*Qué es el peronismo?*», 2019).

По мнению Гримсона, «разные перонизмы» располагаются в различных «измерениях»: на «всей идеологической дуге слева направо» в «низкой зоне», где сходятся национализм и тьермондизм, часто связанные с персоналистскими лидерами, противопоставляя себя «высокой зоне». Перонизм находится в постоянном напряжении между «идеализмом» и «прагматизмом»; наконец, он разнообразен во «времени», адаптируясь к «историческим контекстам и ситуациям». Перонисты говорят, что движение «основано на чувствах», «но то же самое можно сказать и об антиперонизме».

Фактически сейчас победу одержала разношерстная коалиция, враждебная киршнеризму, наиболее максималистскому крылу перонизма, олицетворением которого были сначала покойный экс-президент Нестор Киршнер (2003–2007), а затем его жена и преемница Кристина Фернандес де Киршнер (2007–2015), ныне покидающая пост вице-президента.

Кандидат от правоцентристской коалиции *Juntos por el Cambio* (JxC) Патриция Буллич, вышедшая в первом туре, и Маурисио Макри, влиятельный экс-президент (2015–2019) единственного неперонистского правительства, сумевшего полностью отработать свой срок за 40 лет демократии, оказали Милею активную и решающую поддержку. Последний набрал почти все 6 миллионов голосов избирателей JxC, что предоставило ему в руки политическую машину

одной из основных партий, хорошо зарекомендовавшей себя «Республиканское предложение» Макри, которая стояла в одном ряду с недавно созданной «Свобода наступает» Милея.

Это сочетание привлекло значительную часть провинциального и некиршнеристского перонизма, позволив яркому «анархо-капиталистическому», как он себя называет, кандидату-аутсайдеру одержать победу, значительно превысившую по масштабам оценки в опросах.

Антикастовость

«Это политическое землетрясение, которое никто не мог предсказать». Рикардо Роа, редактор-ветеран газеты *Clarín*, самого популярного правоцентристского издания Аргентины, так прокомментировал итоги обязательных одновременных праймериз, на которых явно подтвердилась серьёзность кандидатуры Милея: «Слон Милей прошёл перед нами, а мы его не заметили, [...] ни социологи [...] ни политики [...] ни мы, журналисты» (15 августа).

По мнению *Financial Times* (22 ноября), это последний пример «тенденции, охватившей всю Латинскую Америку, в рамках которой избиратели [...] отвергают привычных политиков в пользу радикальных левых и правых мятежников». Но если в течение двух последних лет «волна» левых была на подъёме, то в данном случае победил правый радикал, который выходил на митинги с «бензопилой», выкрикивая оскорбления и бранные слова в адрес «политической касты».

По мнению *Folha de S.Paulo* (21 ноября), газеты истеблишмента наиболее промышленно развитого региона Бразилии, аргентинцы предпочли не «известную катастрофу» и призрак гиперинфляции, а «прыжок в пустоту»: уже во время резкого окончания срока правления Рауля Альфонсина (1983–1989) из Гражданского радикального союза (UCR), сегодня входящего в JxC, она достигла 3.000 % в год, что соответствует 33 % в месяц.

«Эль-локо [безумец] у власти», – вторит ему *O Estado de S. Paulo*, напоминая о том, что не раз бесшабашные президенты были вынуждены стремительно покидать свой пост. Так было с Фернандо де ла Руа (UCR), который в перерыве между «правым» перонистским правительством Карлоса Менема (1989–1999) и Киршнерами после всего двух лет пребывания у власти (1999–2001) бежал на вертолёте из Каса Росада, окружённый демонстрантами.

«Эль локо»

«Эль локо» – так озаглавлена неавтобиографическая биография Милея, написанная журналистом Хуаном Луисом Гонсалесом (июль 2023 г.). Такое прозвище он получил ещё в школе за свой вспыльчивый характер, который вместе с характерной причёской открыл ему путь к ослепительной карьере в СМИ, усиленной социальными сетями и основанной на криках, оскорблениях и ругани в адрес политиков, от киршнеристов до людей из окружения Макри.

В первом туре президентских выборов он особенно ожесточённо атаковал Буллич, обвиняя её в том, что она «бомбистка», поскольку в молодости участвовала в движениях революционного перонизма, связанного с партизанами монтерос, действовавшими с начала 1970-х годов до конца военно-гражданской диктатуры (1976–1983).

Вначале его «план бензопилы» включал в себя радикальную «фискальную корректировку» размером в 15 % ВВП, решительное сокращение расходов и налогов; закрытие половины министерств и, прежде всего, Центрального банка, виновного, по его мнению, в разгоне инфляции путём печати песо для поддержки расходов; долларизацию экономики (принятие доллара США в качестве официальной валюты, как в Эквадоре); план приватизации, начиная с государственной углеводородной компании YPF. Затем резкое сокращение присутствия государства, которое он описывает как «крысиное гнездо».

Во внешней политике он демонстрировал большую близость к США и Израилю, выступал за разрыв дипломатических отношений с Китаем и Бразилией и выход из МЕРКОСУР. В своей партии он также распространял тезис о разрыве отношений с Ватиканом, подтверждённый суждениями Милея о его соотечественнике Хорхе Марио Бергольо как о «представителе лукавого на Земле», поддерживающего коммунистов и диктаторов.

В социальной сфере он смешивал ультралиберальные позиции, такие как свободная продажа оружия, человеческих органов и наркотиков, с более консервативными, а также ревизионизмом в отношении злодеяний военной диктатуры.

Прагматик

Уже во время голосования начался процесс, который Карлос Панья, политический аналитик консервативной газеты *La Nación*, назвал «приспособлением мечты к реальности». Милей смягчил тон, отбросил самые спорные предложения и создал альянс с правоцентристами, что необходимо не только для избрания, но и для управления страной. На самом деле, у него есть поддержка всего 40 из 257 конгрессменов и 7 из 72 сенаторов, так как после президентских выборов обновляется только часть палаты.

Милей перетасовал свои внешнеполитические позиции и попросил прощения у Папы Римского. Сразу после победы ему позвонил с поздравлениями сам Бергольо, которому он пообещал приём на родине со всеми почестями. Ватикан фактически инициировал то, что, по мнению Бруно Богоссиана, обозревателя газеты *Folha*, является «ускоренным процессом нормализации Милея [и], как и многие другие правые популисты, “Эль Локо” получает вотум доверия в рекордные сроки».

Милей соответствует ожиданиям. В третьем тайме выборов империалистической демократии в Аргентине он включил в состав ключевых исполнительных органов людей, явно принадлежащих к традиционной «касте».

Буллич, бывший министр в правительстве Де ла Руа, превращается из «бомбистки» в главу министерства безопасности. Министерство обороны получает Луис Петри (UCR), кандидат в вице-президенты в паре с Буллич. В министерстве инфраструктуры – предприниматель Гильермо Ферраро, который уже занимал правительственные посты при Киршнерах. Но, прежде всего, выделяется назначение на пост министра экономики Луиса Капуто (Буэнос-Айрес, 1965), известного на Уолл-Стрит как «Мессеи финансов», бывшего сотрудника JP Morgan и Deutsche Bank, бывшего ми-

нистра финансов и на короткий период управляющего Центральным банком при Макри. По мнению газеты *La Nación*, с Капуто «в краткосрочной перспективе план долларизации окончательно похоронен». Вместо него управлять Центральным банком будет Сантьяго Баусили, доверенное лицо Капуто, который следовал за ним по карьерной лестнице как в частном секторе, так и в правительстве Макри.

Первыми объявленными мерами стали повышение налогов, сокращение государственных зарплат и расходов на социальные нужды, которые не успевают за инфляцией, замораживание государственных контрактов и резкая девальвация валюты. Официальный курс доллара вырос с 366 до 800 песо, приблизившись к курсу чёрного рынка в 1.000 песо. В результате, по мнению экономиста Хуана Мануэля Телечеа, которое приводит испанская газета *El País*, «в ближайших месяцах инфляция будет колебаться между 30 и 40 % в месяц».

Несмотря на это, правительство своими первыми шагами получает доверие рынков и МВФ, с которым ему предстоит вести переговоры о реструктуризации 44 миллиардов долларов долга.

Меркорастворимость

Новый канцлер (аналог министра иностранных дел), экономист Диана Мондино (Кордова, 1958), взяла на себя ответственность за геополитическую корректировку. Она установила контакт с китайским правительством, чтобы разморозить валютный своп на 5 миллиардов долларов, предоставленный Пекином перонистскому правительству. Ещё до инаугурации она отправилась в Бразилию, чтобы сообщить своему коллеге Мауро Виейре о своей заинтересованности не только в МЕРКОСУР, но и в соглашении блока с ЕС. «Я бы хотела, чтобы [уходящее правительство] подписало соглашение с ЕС до своего ухода», – сказала она в интервью газете *La Nación* (3 декабря).

Перонисты же не подписали договор, результат также откладывается из-за сопротивления Франции. МЕРКОСУР, тем временем, расширился, включив Боливию, и подписал торговое соглашение с Сингапуром, демонстрируя определённую жизнеспособность. Однако паулистская пресса отмечает, что Бразилии предстоит пройти сложные испытания её лидерства как на юге, с аргентинскими неизвестными, так и на севере, с угрозами аннексии двух третей территории богатой нефтью Гайаны Венесуэлой, членство которой в МЕРКОСУР было приостановлено в 2016 году.

Если провести сравнение с критерием еврорастворимости, который мы использовали для определения способности европейских популистов растворить свои самые крайние черты и подчиниться европейскому внешнему принуждению, то Милей демонстрирует мгновенную растворимость. Помимо необходимых сдержек и противовесов, он является прекрасным примером того, что представляет собой империалистическая демократия сегодня: ей нужен свой *Эль локо*, выкрикивающий грязные слова, чтобы заработать массовую поддержку.

Аргентинским рабочим и их классовым организациям предстоит тяжёлая оборонительная борьба.

Свечи и пушки

Начало текущего года, как и предыдущих, демонстрирует рост индекса нехватки рабочей силы. Это признак того, что все попытки переломить тенденцию оказались безуспешными. Закон народонаселения империалистической зрелости навязывает себя и в данной сфере.

Бездна без границ

В этом мы убеждаемся на основании опросов Unioncamere¹. В декабре 2023 года доля новых сотрудников, которых «трудно найти», составила 49 %, что на четыре пункта выше, чем год назад, но на 16 пунктов больше, чем в 2020 году, и более чем в два раза по сравнению с 22 % в 2017 году. Две трети трудностей вызваны «отсутствием кандидатов» и только одна четверть – «недостаточной подготовкой». Уровень школьного образования имеет свой вес, но демографический аспект сейчас превалирует, что находит отражение в сокращении рабочей силы, особенно среди молодёжи.

Трудность поиска сотрудников особенно возросла среди молодых людей в возрасте до 29 лет – до 51 % (год назад было 49). Более чем каждая вторая вакансия остаётся незаполненной: наибольший дефицит наблюдается в строительстве (64–74 % в зависимости от специальности) и металлообработке (66 %).

Если рассматривать всю рабочую силу, то наиболее сложными для заполнения являются страты квалифицированных рабочих (65 %) и технических специалистов (52 %), в то время как нехватка в неквалифицированных профессиях меньше (36 %).

Оружие и мозги

Эти данные заставляют задуматься, в том числе и в связи с уровнем запланированного привлечения рабочих-иммигрантов: в целом на них приходится 20,4 % въездов в страну, что опять же больше, чем 18,5 % год назад. Но что это за иммигранты? Действительно, иностранцы составляют 32 % неквалифицированных работников, то есть низших слоёв рабочей силы, но в то же время 24 % квалифицированных работников, что на три пункта выше, чем в предыдущем году.

Иначе говоря, труд иммигрантов приобретает всё более определяющее значение даже в областях, требующих более высокой квалификации, от которых зависит и уровень производительности экономической системы в целом. В уже обозримом будущем всё больше ролей будут занимать дети иммигрантов, которые сегодня получают образование. Это указывает на проблемы социальной интеграции, которые должна поставить перед собой буржуазия, не попавшая в предвыборный водоворот.

Техники-иммигранты

Это не только итальянская динамика и проблемы. По данным Eurostat, более 75 % европейских компаний испытывают трудности с поиском необходимых специалистов.

Во Франции, по оценкам France Travail², аналогичный показатель составил 61 % в 2023 году, что выше, чем 59 % в 2022 году. Однако среди технических специалистов он составляет

73 %. Французская Headhunting Factory, занимающаяся подбором персонала, считает, что 67 % промышленных компаний испытывают трудности с подбором персонала, и 8 ноября 2023 года сообщает о поучительном наблюдении: «В О-де-Франс, высоко развитом промышленном регионе [к северу от Парижа], к 2030 году более 43 % технических специалистов, занятых в 2015 году, покинут свои рабочие места, равно как и 36 % инженеров, а также руководящих технических кадров всех специальностей».

Неизбежно, что проблема миграции также приобретет коннотации, более соответствующие динамике зрелого империализма. В Германии она поставлена прямо: иммигранты, в том числе беженцы, должны привлекаться на работу, чтобы восполнить нехватку рабочей силы на местах. Даже на квалифицированные должности. Газета *Handelsblatt* (28 июля 2023 года) обратила внимание на тот факт, что среди иностранцев «не все являются чернорабочими»: они составляют значительную часть, 30 %, но до 60 % работают на квалифицированных должностях, а 10 % даже в качестве специалистов, имеющих учёную или магистерскую степень, хотя часто с более низкой зарплатой, чем немецкие работники на аналогичных позициях.

В качестве примера можно привести индийских иммигрантов в Германии, которые, благодаря своему образованию и хорошему знанию английского языка, чаще всего работают в высокооплачиваемых научно-технических профессиях: в конце 2022 года медианная зарплата года работника с полной занятостью составляла 5.227 евро в месяц, по сравнению с 3.725 евро для работников с немецким паспортом. Почти 40 % иммигрантов из Индии в возрасте 25–45 лет заняты в сфере MINT (математика, информатика, наука и техника), по сравнению с 7 % их немецких коллег.

Политика обеспечения безопасности и бюрократические дисфункции

Говоря о том, насколько решающим является вклад иммиграции даже в передовые отрасли, следует учитывать, что всё это вступает в противоречие с охранительной политикой, направленной на электоральные цели, и бюрократическими дисфункциями. Во Франции мы уже стали свидетелями негласного конца закона, который должен был способствовать привлечению иммигрантов в отрасли, испытывающие дефицит рабочей силы: автоматическая легализация уже работающих исчезла, а на смену ей пришла бюрократическая практика, где рычаги управления принадлежат префектам. Президент Medef, французской конфедерации промышленников, напоминает, что к 2050 году потребуется 3,9 миллиона рабочих-иммигрантов, но та же *Le Monde* отмечает, что большинство предпринимателей хранило молчание на протяжении всего периода принятия закона, и даже сейчас критика остаётся сдержанной (21 декабря).

В Германии идея балльной системы, направленной на привлечение «самых подходящих», вступает в противоречие с бюрократической громоздкостью. В конце 2022 года, пишет газета *Zeit* от 13 июля 2023 года, в стране будет два миллиона вакансий: «Дома престаре-

Свечи, спички, сахар, соль, масло, мясные и бобовые консервы, пачки макарон. Среди отцов, дедов или старых тётушек, прошедших через муки войны, обязательно находились те, кто настаивал на том, чтобы в кладовке хранились запасы: на всякий случай. Заикленность прошлых времён? Уже нет, тётушка была права. Командующий НАТО предупреждает, что мир больше не является данностью, лучше иметь дома радио на батарейках, фонарик, запас воды. И вот генеральные штабы планируют дополнительные запасы ракет, беспилотников, артиллерийских снарядов. Война на Украине стала переломным моментом и откровением: в конце года Киев выпускал по две тысячи снарядов в день, Москва – по десять тысяч. Для торговцев пушками это золотой момент. Америка планирует увеличить производство снарядов в шесть раз, до 1,2 миллиона к 2025 году. Европа делает то же самое, но оружейные концерны требуют определённости, закреплённой многолетними контрактами. Они не будут расширять производство, если война или заказы не будут гарантированы.

Это восточный фронт империализма. Сейчас уже беззастенчиво говорят о том, что, вооружая Украину, Европа может вооружить и оградить себя от капризов возвращающегося Дональда Трампа. Кроме того, есть и южный фронт, от Средиземного моря до Персидского залива. 80 % мировой торговли по объёму и 50 % в стоимостном выражении приходится на немногим более 100.000 судов. Некоторые проливы принадлежат к числу важнейших, возмездных заложников кризисов и конфликтов: это то, что сегодня объединяет Красное, Чёрное и Южно-Китайское моря. В Красное море, где война в секторе Газа возродила очаг проиранской партизанской войны в Йемене, Европа направит миссию *Aspides* для патрулирования пути к Суэцкому каналу. Это ещё один шаг европейской обороны, сопровождаемый политическим сигналом – мерой отличия от США и Великобритании.

Именно один шаг. Шаг за шагом общественное мнение должно быть подготовлено к новым суровым временам. Тем временем провозглашаются новые идеологии перевооружения Европы-крепости и Европы, которая защищает. Коммунистический интернационализм также должен быть готов. Необходима революционная оппозиция всем войнам, европейскому и другим империализмам.

ных начинают закрываться из-за нехватки персонала, врачи общей практики, мясники и маляры остаются без наследников, высокотехнологичные компании имеют более ста тысяч открытых вакансий». При этом, по словам Энгельхарда Мазанке, директора иммиграционного ведомства земли Берлин, путь к легализации «беспрецедентно сложен». Если сложить время на проверки в посольствах Германии за рубежом, на повторные проверки в иммиграционном ведомстве Германии и, наконец, на выдачу и активацию карты резидента, «квалифицированной рабочей силе иногда приходится ждать зелёного света по полгода: это не культура радушия, а приёма» (*Handelsblatt*, 22 марта 2023 г.).

Нарушение равновесия и слепота

Что касается бюрократических оков, то Италия, конечно же, не уступает Германии, причём с, мягко говоря, парадоксальными результатами. Об этом говорится в отчёте от 13 декабря, составленном объединениями, продвигающими кампанию «Ego straniero» («Я был иностранцем»). Расскажем вкратце. В 2022 году было подано 209.000 заявлений на приём, при 69.700 предусмотренных «квотами» на этот год, допуски были одобрены лишь для 55.000 и подписано 18.000 контрактов на проживание, четверть от того, что было предусмотрено квотами. Это объясняется тем, что некоторые мигранты ещё не получили визу для въезда в Италию, другие рабо-

тали только с допуском в ожидании завершения процедуры (в случае неудачи они остаются нелегалами), третьим всё же удалось урегулировать свой статус, когда в них отпала необходимость, это было вполне реальной ситуацией в двух ключевых секторах – сельском хозяйстве и строительстве.

В 2023 году был расширен круг отраслей, в которых могут применяться квоты: машиностроение, судостроение, телекоммуникации, пищевая промышленность, семейный и социально-медицинский уход. Квоты также были определены на трёхлетний период. Однако всё это не гарантирует необходимого притока, учитывая ограниченность численности и бюрократические сложности.

Тем не менее, учитывая демографические тенденции, время уходит для всех. *The Economist* (23 декабря) призывает задуматься об этом уже сейчас: «Сегодня у богатых стран есть прекрасная возможность импортировать молодёжь, мозги и динамизм. Возможно, она не будет вечной». Слепота буржуазной политики не удивляет: мы давно знаем её стратегические пределы.

Lotta comunista, январь 2024 г.

1 – Итальянский союз торговых, промышленных, ремесленных и сельскохозяйственных палат.

2 – Французское государственное агентство, занимающееся проблемой безработицы.

Италия иммиграции

(1)

В 2016 году Италия почти достигла так называемого 10 %-го символического порога доли иностранцев в населении. В абсолютных величинах речь идёт где-то о 5,9 млн не-итальянцев из 60,7 млн итальянских резидентов: это граждане и неграждане ЕС; вписанные в реестр и не вписанные, но имеющие вид на жительство; проживающие в стране нерегулярно и нелегально, общее число которых оценивается в 435 тыс. В это число входят и 200 тыс. просителей убежища, проживающих в различных структурах так называемого размещения или направляющихся в них.

Однако из него исключены получившие итальянское гражданство – их число продолжает расти, в особенности среди несовершеннолетних. За последние 1,5 десятилетия прошли натурализацию более 1 млн человек – это дети иностранцев, рождённые в Италии, и иностранные иммигранты, которые после долгого проживания и интеграции в общество стали удовлетворять критериям, необходимым для получения гражданства. Их также называют *иностранцами, которых не видно, но которые есть*.

Самые свежие оценки ситуации предоставил в 2016 году ISMU (Инициативы и исследования мультиэтничности) – католическая организация,

в которой принимают участие Курия Милана и Фонд Карипло.

Если же определение «иностранцы» мы заменим определением «рождённый за границей» вне зависимости от имеющегося или приобретённого гражданства, окажется, что Италия уже давно перешагнула 10 %-ый символический порог присутствия иммигрантов. А если затем мы заглянем дальше вглубь поколений, то заметим ещё большее их присутствие и укоренение в итальянском обществе.

На севере и в центре Италии сегодня доля иностранцев на пару процентных пунктов выше, чем в среднем по стране; во многих индустриальных и сельскохозяйственных городах и провинциях

севера она в два раза выше средней, а на Юге более чем в два раза ниже.

Тем не менее мы можем представить 10 %-ное среднее по стране как итог длившейся 1,5 века интеграции Италии в европейский и мировой рынок рабочей силы. За последние 40 лет этого пути Италия и особенно её центральная и северная части стали точками притяжения иммиграции из-за пределов Европы, но также и внутриевропейской иммиграции, которая окончательно поставила Италию в один ряд с другими странами Центральной Европы и подняла долю иммигрантов в Италии до среднеевропейского уровня.

Lotta comunista, март 2017 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЗИМА НА ПОЛУОСТРОВЕ ВСЁ ХОЛОДНЕЕ

Итальянскому империализму всё сложнее распутать переплетение тенденций на рынке рабочей силы и в сферах демографии и миграции. Падение численности населения страны теперь стало реальностью, поскольку за последние годы естественная убыль не компенсировалась нетто-иммиграцией. Рынок рабочей силы начинает испытывать трудности – качественные (недостаточность образования, адаптированного под потребности экономики) и количественные (нехватка рабочей силы из наиболее важных возрастных групп). Управление иммиграцией и в особенности её использованием на рынке рабочей силы, то есть *итальянская империалистическая политика в сфере миграции*, испытывает серьёзные трудности в том, чтобы компенсировать нарушение равновесия и последовать примеру Германии и Швеции, которые опережают Италию на годы.

Промышленники осведомлены об этом. В июньской публикации исследовательского центра Всеобщей конфедерации итальянской промышленности «Иммигранты: от появления к возможностям» констатируется, что без вклада иммигрантов население Италии сократилось бы, а затем утверждается: «Необходимо, чтобы потоки иммигрантов вернулись на докризисный уровень». Подчёркивается также политический аспект проблемы: «Нужно развеять тревоги коренных жителей и разрушить предубеждения против иностранцев или с помощью реальных данных, которые рисуют иную картину по отношению к той, что часто представляют СМИ, или с помощью конкретных предложений, как можно способствовать интеграции».

Официальный статистический орган итальянского государства ISTAT в январе «впервые» представил анализ влияния демографического компонента на вариации занятости, обращая внимание на миграционную динамику как на частичную компенсацию сокращения населения. Вдали от Рима, в Брюсселе, бывший министр иностранных дел, а на момент написания статьи Верховный представитель ЕС, Федерика Могерини способна чётко и резко представить синтез *европейской империалистической политики в сфере миграции*: «Без мигрантов европейская экономика была бы парализована, наша демография ведёт нас к коллапсу. Это стало бы крахом наших обществ» (интервью *Corriere della Sera*, 3 февраля).

Само собой, демографический узел европейского и итальянского империализмов не является для нас чем-то новым. Мы неоднократно писали об этом на страницах газеты, отмечая, что многие крупные европейские страны оказались не готовы к этому испытанию, хотя лишь некоторые из них ни разу не встречались с ним в своей истории. Вспомним лаконичный синтез Арриго Черветто, представленный им в июне 1994 года, то есть более двух десятилетий назад: «Демографический фактор, которым часто пренебрегали в аналитических работах последнего пятидесятилетия, становится решающим. Мы увидим это в ближайшем будущем. Чтобы компенсировать «демографический разрыв», Европа должна будет сократить социальное обеспечение и импортировать молодых иммигрантов»¹. Сегодня кто-то говорит о демографии, которая ведёт к «коллапсу».

Приведём наиболее важные этапы демографической и миграционной истории Италии за последние 50 лет.

1972: после более чем 20 лет постепенно сокращающейся эмиграции в Америку, а также в центр Европы, знак *миграционного сальдо* меняется; до 1990 года длились колебания, однако этот же период характеризовался сильной скрытой иммиграцией, не отражённой в этой статистике; таким образом, в последующие годы сальдо всегда было позитивным.

1977: *общий коэффициент рождаемости* (ОКР, число детей на одну женщину) опустился до 1,97, то есть ниже уровня 2,1, необходимого (в Италии) для поддержания постоянной численности населения. Падение оказалось быстрым: всего тремя годами ранее он составлял 2,33.

1993: *естественный прирост* также поменял свой знак, поскольку впервые после второй мировой войны число смертей на итальянской территории превысило число рождений.

2001: ОКР опустился до 1,25. С 2002 года доступна раздельная статистика по итальянцам (1,21) и иностранцам (2,83), то есть иммигрантам с детьми в Италии. Вклад иммигрантов повысил ОКР примерно на 0,1 ребёнка на женщину, слегка замедлив его падение в течение последних десятилетий.

2002: миграционное сальдо резко подскочило с 50 тыс. до 400 тыс. человек в год; в последующие годы и вплоть до сегодняшнего дня оно колеблется в районе 200 тыс.; отчасти пики – это статистический результат последующей регуляризации правительством уже присутствующих в стране нелегалов, но в основном речь идёт о прямой миграции по экономическим мотивам и ради воссоединения семьи, также сюда добавляются просьбы об убежище.

2009: число детей, родившихся в этом году и имеющих как минимум одного родителя-иностранца, переступило через сотысячный порог; среди 560 тыс. рождений в целом на них при-

Диаграмма основана на официальных данных ISTAT о демографической ситуации в Италии: естественный прирост (рождения минус смерти), миграционный прирост (иммиграция минус эмиграция) и общий прирост, который отражает изменение численности населения и является суммой двух первых показателей. На диаграмме не представлены скрытые и нерегулярные миграционные потоки, которые были особенно значительными в 1980–1990-е годы.

ходит 18 %; в 2015 году их число осталось почти тем же, однако общее число рождений опустилось до 480 тыс.; таким образом, один из пяти новорождённых имеет минимум одного родителя-иностранца.

2014: ОКР иностранок сократился до 1,97, то есть упал ниже уровня воспроизводства; наступил важный этап приведения их склонности к деторождению в соответствие с итальянским и в более общем плане с европейским уровнем; совокупный уровень составил 1,37, на следующий год он сократился до 1,35.

2015: общее сальдо численности населения впервые стало негативным, поскольку по-прежнему активное миграционное сальдо уже было не способно компенсировать всё более значительную естественную убыль населения.

Данные за последние 5 лет отчасти не являются окончательными, также продолжают корректировки после переписи 2011 года, которые выявили присутствие более 1 млн дополнительных резидентов, так что Италия перешагнула порог в 60 млн жителей. Однако политический факт необратим: иммиграция больше не компенсирует естественную убыль населения, непрерывно продолжающуюся четверть века (за единственным исключением 2004 года). Эти данные ещё более актуальны, если учитывать, что значительная часть рождений является, в свою очередь, результатом присутствия иммигрантов, чьи дети появляются на свет в Италии. Эти цифры сами по себе говорят о двойном влиянии иммигрантов на сокращающееся итальянское население: сперва они приезжают в страну и становятся частью её рабочей силы, а затем обосновываются там и заводят детей – будущую рабочую силу. Однако теперь, похоже, и это влияние является недостаточным.

Таким образом, итальянский империализм присоединяется к Японии, чьё население немного превысило планку в 127 млн в 2007 году, а затем опустилось ниже неё в 2013-м и до 126,5 млн в 2016-м; встаёт рядом с Германией, которая преодолела (лишь на 1 год) порог в 82 млн в 1998 году и сейчас способна держаться на отметке в 80,6 млн, но, безусловно, лишь благодаря массовой иммиграции. Теперь Италия сопоставима с другой средиземноморской страной – Испанией, где с 2011 года исторический максимум в 46,7 млн с учётом вклада иммигрантов становится на 150 тыс. резидентов меньше ежегодно. Будут ли успешны проталистские политики, недавно запущенные в некоторых странах, станет известно через 20 лет. А тем временем европейскому империализму требуется управление иммиграциями, необходима настоящая *европейская империалистическая политика в сфере миграции*. Но для её выработки предстоит пройти трудный и противоречивый путь, в том числе потому, что она является заложницей ксенофобских и секьюритарных электоральных колебаний.

1 – Черветто А. Многополярный мир. 1990–1995. Киров: Марксистская наука, 2006. С. 174–175 (перевод исправлен).

Италия иммиграции

(II)

Миграционный разворот Италии 1972 года, т. е. её превращение из страны эмиграции в страну иммиграции, привёл к следующему балансу за двадцатипятилетие: 6,7 млн человек выехали из страны и 3,6 млн вернулись, разница составила минус 3,1 млн. Среднегодовая чистая эмиграция в период 1946–1970 гг. составляла 125 тыс. человек.

Тогда начался долгий период, не завершившийся и почти полвека спустя, в течение которого иммиграция развивалась и быстро росла, превратив Италию, и особенно её северную часть, в регион со средним уровнем присутствия иммигрантов, соответствующим центрально-европейскому показателю в 11–13 %.

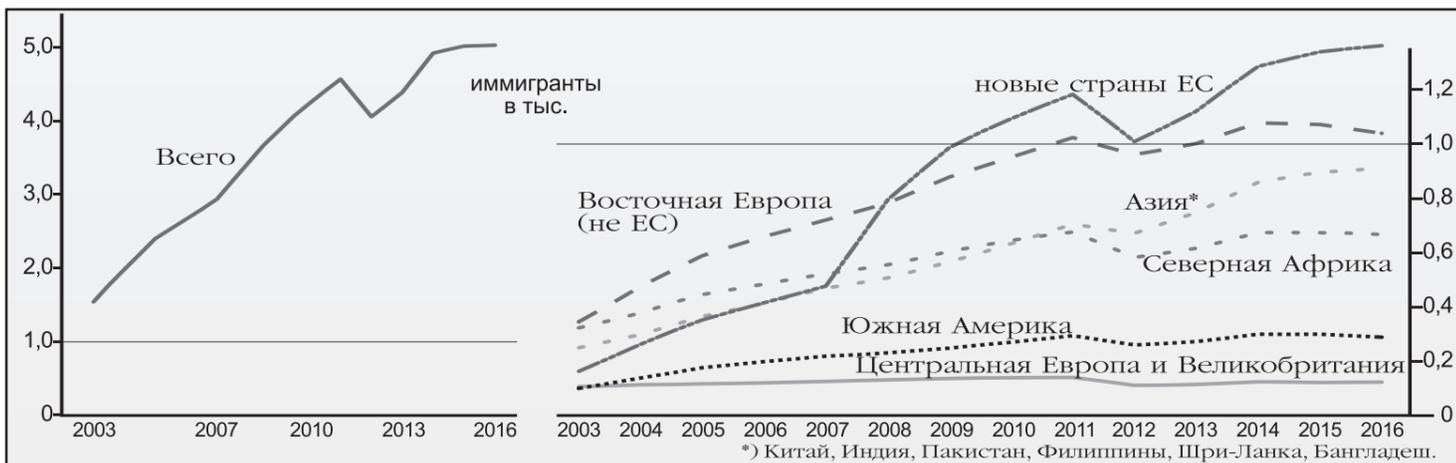
Этот процесс можно разделить на два основных этапа. Первый (до начала XXI века) характеризовался беспрецедентным для Италии притоком людей, в основном трудоспособного возраста и различного происхождения (европейского и неевропейского), с высокой долей нелегальных и нерегулярных иммигрантов. Второй (с наступлением нового века и вплоть до последних лет) был гораздо более масштабным, институционализированным и структурированным, в том числе благодаря последующим регуляризациям.

Не следует забывать и о том, что параллельно с этим началась циркуляция рабочей силы внутри ЕС, в которой участвовала и участвует Италия. Десятки тысяч мигрантов, имеющих средний и высокий уровень квалификации, прибывали и покидали Италию каждый год – в этом чёткое отличие от низкого и среднего уровня квалификации, который преобладал в итальянской эмиграции в 1950–1960-х гг.

Разнообразие «цветов»

Перепись 1971 г. насчитала 121 тыс. иностранцев, перепись 1981-го – почти в два раза больше (211 тыс.), а перепись 1991-го – в три раза больше (356 тыс., или 0,6 % населения). Однако за этими цифрами скрывалась совершенно иная, быстро меняющаяся реальность. Это было началом того, что впоследствии быстро станет «тихим вступлением в промышленную Италию» «пролетариев с кожей Б», как мы писали в те годы, точно отражая динамику событий, которые в полной мере коснулись нашего класса. В его основе находилась высокая доля нелегальных иммигрантов, которых привлекал рынок труда, предлагавший возможности в различных секторах (от малой и средней промышленности до строительства, третичного сектора, личных услуг, сельского хозяйства, рыболовства), но препятствием для них служило громоздкое, ограничительное законодательство, которое откровенно противоречило действительным потребностям экономики. По оценкам, в конце 1970-х гг. фактическая доля иммигрантов составляла около 2 % от общей численности рабочей силы; восемь лет спустя она выросла до 4–5 % (по данным Censis).

Оценки того времени из-за большого количества нелегальных иммигрантов более чем в два раза превышали официальную статистику; отметка в 1 млн иммигрантов была достигнута в конце 1980-х гг., и это число в три раза превышало данные переписи 1991 г. Это были годы, последовавшие за кризисом реструктуризации. По мнению Коррадо Бонифаци («L'Italia delle migrazioni», 2013), менялась функция иммигрантов в европейских странах прибытия: речь идёт уже не о количественной ребалансировке предложения, а о качественной и отраслевой роли, направленной на воспол-

данные в тысячах	2003	2016
Албания	217	1.151
Марокко	215	468
Румыния	95	437
Китай	70	271
Филиппины	65	231
Тунис	60	166
Сербия (и Черногория)	54	150
Сенегал	37	142
Индия	36	119
Перу	34	110
итого первая десятка	883	3.245
общее количество	1.549	5.026

вес первой десятки в общем количестве 57 % 65 %

10 стран-лидеров по происхождению иммигрантов

На диаграмме показана динамика численности иностранцев, легально проживающих в Италии с 2003 по 2016 г., в целом и по отдельным областям и странам происхождения; источник: официальная статистика ISTAT. Колебания в период 2011–2013 гг. частично объясняются последствиями кризиса (довольно скромными по сравнению с другими средиземноморскими странами), которые привели к оттоку иммигрантов в страны происхождения, что было обращено вспять в последующие годы, а частично – переписью населения 2011 г. и её пересчётами.

Новая миграционная политика в новом веке

По оценкам ISMU, к началу нового столетия в Италии проживало около 1,5 млн иностранцев (2,6 %). Возможно, цифра слишком занижена и близка к данным переписи 2001 года (1,3 млн). Миграционная политика многих европейских стран, в том числе Италии, меняется: от закрытия в годы, последовавшие после кризиса реструктуризации, до осторожного открытия, по большей части основанного на регуляризации положения «нелегалов», которые в любом случае уже въехали в страну. Для Италии первое десятилетие века – это период облегчённого механизма регуляризации

В таблице (данные из того же источника) в порядке убывания перечислены 10 стран, из которых в Италию приехало больше всего иностранцев. Взяв период от резкого ускорения иностранного присутствия (2003 г.) и до текущей ситуации (2016 г.), третьего года подряд существенной стагнации после сильного подъёма 2013 и 2014 гг., которые восстановили и на добрую десятую часть превзошли негативный пик 2012 г.

Эта картина охватывает лишь часть, хотя и большую, иммиграции в Италию в XXI веке, и не учитывает нелегальных и нерегулярных мигрантов, а также тех, кто постепенно интегрируется, получая итальянское гражданство. Речь идёт о наиболее стабильной и интегрированной в социальную структуру доле тех, кто сохраняет гражданство страны своего происхождения. Можно предположить, что реальная численность иностранцев (включая нелегальных и нерегулярных иммигрантов, а также просителей убежища в различных формах) примерно на 1/5 больше.

Четыре основных региона происхождения, на которые приходится 80–90 % общего числа, росли довольно синхронно, за исключением 6 азиатских стран (Филиппины, Китай, Индия, Пакистан, Шри-Ланка и Бангладеш), которые в 2011 г. обогнали североафриканские страны, и новых регионов ЕС (среди которых далеко впереди Румыния), на которые приходится более 1/4 общего числа. За ними следуют восточноевропейские страны, не входящие в ЕС (лидируют Албания и Украина), на долю которых приходится около 1/5. В абсолютном выражении Центральная Европа присутствует постоянно, что примерно соответствует доле Италии в перемещении наиболее квалифицированной рабочей силы, о чём говорилось выше. В целом более 1/2 иностранцев в Италии сегодня – это выходцы из европейских стран, 1/5 – с африканского континента и другая 1/5 – из шести азиатских стран, упомянутых выше. Доля Северной Африки, составлявшая в 2003 г. 1/5, сегодня сократилась до 1/7.

Эта тенденция также отражена в списке 10 важнейших стран происхождения иммигрантов, на долю которых в 2003 г. приходилось 57 % от общего числа, а сегодня 65 % (почти 2/3). Наблюдается стабильность китайских, индийских и филиппинских сообществ, бурное развитие румынского присутствия, а также появление Украины и Молдовы.

постфактум иммиграционного бума, в котором нуждался всё более сегментированный рынок, жадный до рабочей силы средней и низкой квалификации. Миграционный баланс, отчасти раздутый регуляризациями, а затем пострадавший от кризиса 2008 г., в течение десятилетия и далее оставался на уровне 250 тыс. человек в год. Происхождение иммигрантов меняется: Восточная Европа и Балканы, частично новые страны ЕС (Румыния), частично страны, не входящие в ЕС (Албания, Украина), догоняют и количественно превосходят Южную Америку и Восточную Азию, но каждый из них стремится занять различные сектора стратифицированного рынка труда. За первые 15 лет века число иностранцев увеличилось в четыре раза – с 1,5 млн (оценка 2001 г.) до 6,0 млн (оценка 2016 г.) со среднегодовым темпом роста в 10 %. Это историческая беспрецедентность, но одновременно и историческая возможность, для итальянского империализма с пустыми колыбелями.

Итальянские миграционные законы

Нельзя игнорировать эволюцию итальянского иммиграционного законодательства за последние 50 лет и тот решающий вклад, который оно внесло, а точнее, должно было внести, в стабилизацию иммиграции в Италии и интеграцию рабочей силы и в целом иммигрантского населения, семей и детей в социальную структуру страны. «Рим-отчим» – так на-

зывалась одна из наших статей 1987 г., и она не ошиблась, указывая на то, что это всё в большей мере являлось проявлением одного из аспектов итальянского нарушения равновесия. Бонифаци перечисляет законы, которые были приняты с середины 1980-х до 2012 г. по вопросам иммиграции. Он отмечает, что изначально иммиграционные потоки столкнулись с недостатками законодательства и информационными пробелами, что привело к существенным нарушениям в статусе иммигрантов. За этим последуют неоднократные регуляризации, «которым суждено было стать почти константой в истории иммиграции в Италию».

Законодательство приспосабливается к реальным фактам, а не наоборот. Существует по меньшей мере 13 законов, соглашений, мер по регуляризации, принятых почти за 25 лет; с их помощью задним числом была проведена легализация 1,8 млн человек.

Это молодые рабочие мужчины и женщины, их семьи и дети. Многие из них были вынуждены совершать опасные путешествия в поисках работы, которую они находили, восполняя потребности рынка труда итальянского империализма, структурно внедряясь в производство и сферу услуг, внося свой незаменимый вклад на протяжении десятилетий. Это рабочие, являющиеся неотъемлемой частью нашего класса.

Италия в упадке, несмотря на миграцию

Население Италии выросло до исторического максимума в 60,8 млн жителей в 2015 г., несмотря на глубокую демографическую зиму, которая давит на страну в течение десятилетий. В 2016 г. началось сокращение, которое на данный момент кажется необратимым. Объяснение этого явного оксюморона одно – вклад иммиграции. Он шёл по двум направлениям: к вхождению иммигрантов в число населения добавляются их дети, родившиеся в Италии.

К тому же иммигрантки родом из стран с более высокой рождаемостью рожают детей больше, чем коренные итальянки, хотя по мере интеграции они вскоре начинают рожать меньше. Ещё в 2019 г. итальянки рожали в среднем 1,18 ребёнка, а иностранки – 1,98. Рождённые от как минимум одного родителя-иностранца составляли более 1/5 новорождённых: 92 тыс. из

420 тыс., при этом у 63 тыс. детей оба родителя были иностранцами.

Италия в “передовой фазе миграционных процессов”

В “Ежегодном докладе – 2018” ISTAT (Национальный институт статистики) пишет, что «иностранное присутствие в Италии имеет теперь типичные характеристики передовой фазы миграционных процессов». Изначально этот тезис высказал демограф Коррадо Бонифаци в 2013 г.; то обстоятельство, что государственный институт статистики в некотором смысле его присвоил, говорит о признании того, что давно продемонстрировала реальность. Раньше даже казалось, что никто эту реальность не замечает. В последующем “Докладе – 2019” ISTAT подчёркивает и уточняет, что «рост населения за последние двадцать лет произошёл исключительно благодаря повышению доли граждан иностранного происхожде-

ния, и наша страна вошла в зрелую фазу интеграции этого дополнительного демографического актива, доказательством чему служит увеличение числа граждан среди представителей второго поколения» иммигрантов. Показательно использование термина «дополнительный демографический актив».

Приведём два числовых показателя, чтобы констатировать достигнутый Италией этап. Первое: Италия уже давно и стабильно находится на европейском уровне с 10 %-ной долей иммигрантов в населении, которая ещё выше на рынке труда. Второе: несмотря на отсутствие права земли и административные сложности, гражданство получают 120–130 тыс. человек в год (1,4 млн с 1998 по 2019 г.) – это знак куда более глубокого интеграционного процесса, чем может казаться извне. Такой внимательный наблюдатель, как бывший глава Банка Италии Сальваторе Росси, считает, что иммиграция компенсировала недостаток отечественной рабочей силы «на ключевых позициях в промышленности и услугах» (“Что умеет делать Италия”, 2017).

По сути, даже в условиях бесконечных противоречий долгого итальянского нарушения равновесия до сих пор удовлетворяется потребность экономики (сельское хозяйство, промышленность и услуги) в необходимой рабочей силе, адекватной количественно, качественно и в плане гибкости. Этот процесс мы анализировали и документировали на протяжении десятилетий, начиная со статьи Роберто Казеллы “Пролетарии с кожей Б” (январь 1978). Сегодня Джанпьеро Далла Дзуанна пишет об «иммиграции по-итальянски 1977–2018» (Population and Development Review, сентябрь 2019) и об Италии, где «происходила некая интеграция “без её ведома”, то есть детерминированная не особенными политическими или административными шагами, а глубокой структуризацией итальянского общества» (Банк Италии, “Тетради по экономической истории”, сентябрь 2019).

Однако завтра вопрос, несомненно, усложнится. В некотором смысле это констатирует тот же ISTAT в июльском “Докладе – 2020”: чистая миграционная динамика, которая в будущем составит 135 тыс. человек в год, «только отчасти сумеет сдержать демографический упадок страны в плане чисел».

“Немногочисленные итальянцы”

В недавней книге 2019 г. “Немногочисленные итальянцы” (с подзаголовком “Страна во времена демографической болезни”), которая слабо освещалась в

СМИ, демограф-католик Антонио Голини анализирует среди прочего пересечение демографических и миграционных тенденций. Он отмечает, что в 1980–1990-е гг. Италия считалась на международном уровне “кейсом для изучения” по причине разворота демографических тенденций: она показывала удивительное падение рождаемости, так что в 1995 г. её коэффициент рождаемости опустился до 1,19 ребёнка на женщину («мировой минимум»). Отсюда вытекает нынешняя «деликатнейшая переходная фаза», где пересекаются различные неразрешённые аспекты; среди основных значатся старение и относительное влияние на экономическую активность, сокращение рабочей силы, неопределённости иммиграции, последующие социально-экономические изменения. Однако показательно, что Голини связывает “итальянский кейс” с международным контекстом: согласно его определению, мир переживает глобальное «столкновение демографий».

Фундаментальные тренды в Италии определяются тремя аспектами: естественная убыль, старение и иммиграция. Касательно последней Голини пишет, что «появляются как неуместный алармизм о грядущем “вторжении”, так и попытки свести к минимуму это явление, которое нужно оценивать, учитывая также накопительный эффект в среднесрочной перспективе». «Растущее число аналитических материалов, начиная от официальных от ISTAT, ныне соглашаются, что приток иммигрантов замедлил итальянскую демографическую имплозию». «Не одни только иммигранты будут вытаскивать Италию из демографической ловушки, в которую она упала». А в будущем? «Испытания, вызванные иммиграцией как в управлении потоками, так и в отношении процесса интеграции новоприбывших, что в Италии незаслуженно недооценён, будут кардинально меняться в ближайшие годы».

Что мы будем наблюдать? Диагноз Голини, одного из наиболее авторитетных итальянских демографов, точен, детализирован и актуален, пусть и не нов в отношении фундаментального тезиса, которого сам демограф придерживается долгие годы. Впрочем, как и его прогноз: необходимо вмешаться, чтобы способствовать рождаемости. Однако такие анализ и диагноз никогда не согласовывались, во всяком случае до сих пор, с каким бы то ни было структурным вмешательством, направленным на противодействие отмеченным тенденциям. И это также является аспектом итальянского нарушения равновесия.

Lotta comunista, январь 2021 г.

ВНУТРЕННИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

В таблице мы представили динамику численности населения Италии в первые два десятилетия века с разделением по крупным регионам и гражданству. Считать “иммигрантов” по индикатору “иностранцы”, понятное дело, будет недостаточно, особенно потому, что, как мы уже отмечали, последний не включает в себя целиком второе и последующие поколения, переплетённые с получившими итальянское гражданство. Так или иначе, независимо от этого в 2019 г. к официальным цифрам ISTAT стоило бы добавить как минимум почти 1 млн человек из числа “регулярных нерезидентов” и “нерегулярных”, согласно 25-му отчёту фонда ISMU, что довело бы численность иностранцев до 6,2 млн, то есть больше 1/10 населения.

Можно наблюдать – хотя это не новость – сосредоточие иностранцев в центре и на севере страны, где их процент является “европейским”, то есть сильно выше 10 %, при том, что в Южной Италии этот показатель меньше наполовину. Динамика населения по регионам тоже показывает эту явную разницу: его численность растёт в центре и на севере, а на юге падает. Численность “аборигенов”, то есть итальянских граждан, сокращается, зато противопоставление подсвечивает внутреннюю миграцию с юга на север, которая накладывает на иностранную иммиграцию, хотя отлачивается от неё большим размахом и качественным характером.

По мнению Censis (Центра изучения социальных инвестиций), это «Италия, которая привлекает», что имеет вполне конкретное географическое измерение: миланская агломерация, долина Адидже от Больцано до Вероны, ось Эмили от Пармы до Римини, плато Прато (Флоренция) и Понтийская зона вокруг Латины (“53-й доклад”, ноябрь 2019). Там вследствие внутренней и внешней иммиграции население растёт также в абсолютных цифрах. Это итальянская форма того, что происходит в европейском масштабе, о чём мы писали в этой рубрике. Далее стоит добавить эмиграцию коренных и натурализованных итальянцев, которую записывают в понятие “утечка мозгов”, хотя это лишь один из аспектов европейской циркуляции рабочей силы, в особенности (но не только) её средне- и высококвалифицированного компонента. «Итальянскую риторику об “утечке мозгов” часто питают игра в жертву и провинциализм [...], некоторая доза “циркуляции мозгов”, в центре которой располагалась бы Италия, была бы не только физиологической, но и желательной», – отрезал Антонио Голини по этому поводу. Таким образом, Италия, как и Европа в целом, была и является пространством, где одновременно происходят движения населения, касающиеся различных слоёв: иммиграция, которая укрепляет экономико-производственную ткань и предоставляет дополнительное население (воссоединение семей, дети и т. д.), внутренние миграции, происходящие в том же направлении, но имеющие другой качественный характер, и эмиграция в сторону европейского рынка труда, неотъемлемой частью которого уже стали коренные и натурализованные итальянцы и иммигранты.

	-----2001-----			-----2010-----			-----2020-----			% иностранцев			разн. иностранцев		разн. итальянцев		разн. всего	
	иностранцы	итальянцы	всего	иностранцы	итальянцы	всего	иностранцы	итальянцы	всего	2001	2010	2020	2001-10	2010-20	2001-10	2010-20	2001-10	2010-20
Северо-Запад	469	14470	14939	1290	14376	15666	1792	14322	16114	3,1	8,2	11,1	821	502	-94	-54	727	448
Северо-Восток	357	10295	10652	1019	10368	11387	1276	10385	11661	3,4	8,9	10,9	662	257	73	17	735	274
Центр	333	10556	10889	879	10642	11521	1340	10647	11987	3,1	7,6	11,2	546	461	86	5	632	466
Юг	116	13799	13915	328	13649	13977	641	13243	13884	0,8	2,3	4,6	212	313	-150	-406	62	-93
Острова	60	6541	6601	132	6507	6639	257	6342	6599	0,9	2,0	3,9	72	125	-34	-165	38	-40
ИТАЛИЯ	1335	55661	56996	3648	55542	59190	5306	54939	60245	2,3	6,2	8,8	2313	1658	-119	-603	2194	1055

Данные в тысячах. Северо-Запад: Пьемонт, Валле-д’Аоста, Ломбардия, Лигурия. Северо-Восток: Венето, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия, Эмилия-Романья. Центр: Тоскана, Умбрия, Марке, Лацио. Юг: Апулия, Кампания, Абруццо, Молизе, Базиликата, Калабрия. Острова: Сицилия, Сардиния.

Источник: ISTAT.

Французское исключение даёт трещины

«Франция остаётся “исключением” в Европе [...], но в 2017 году она выглядит исключением в меньшей степени, чем десятью годами ранее», поскольку показатели рождаемости выравниваются. Так пишет *Population* – ежеквартальный журнал Национального института демографических исследований Франции (INED), подводя итоги демографического развития страны и отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок: «Исключительность в Европе?».

Французское исключение проявилось не вчера, но как минимум столетие назад, а если судить по динамике рождаемости, то даже более двух столетий назад. Для начала обратимся к самым последним ключевым “числам”.

“Обгон” 1991–1993 годов

В 1950 г. население Франции составляло 42 млн человек, Италии – 47; за семьдесят лет разница изменилась: в Италии сейчас около 60 млн жителей (спад), а во Франции – более 65 млн (рост). “Обгон” произошёл в 1991–1993 гг. Демографическому росту во Франции способствовали иммиграция и деколонизация, а также положительный естественный прирост, хотя и сократившийся вдвое за 30 лет.

Чистая иммиграция была регулярной и всегда положительной порядка 50–100 тыс. человек в год начиная с 1990 г., но без особенно высоких пиков. Историческая коллизия 2015 г. оставила след на официальной статистике: 107 тыс. человек в 2013 г., в последующие годы – между 40 и 80 тыс., за единственным исключением – 90 тыс. в 2016 г. Ничего общего с соседними Германией и Италией. Демографический рост Франции опирался на прочный фундамент длительного положительного сальдо рождаемости и смертности, чему способствовала благоприятная возрастная структура, сформировавшаяся и укрепившаяся за предыдущие десятилетия.

Переломный момент, если его можно так назвать, или по крайней мере заметная корректировка общих тенденций, случился во втором десятилетии нового века. Коэффициент рождаемости, составивший в 1990 г. 1,78 ребёнка на женщину, в 1993 г. упал до минимума в 1,66, что соответствовало общему снижению в других метрополиях; затем последовал подъём, более заметный, чем в других странах, – до 2,02 в 2010 г.; с этого момента началось непрерывное снижение: 1,86 в 2019 г. и 1,84 в 2020 г. Эти тенденции были отмечены в прессе, что отражает озабоченность французской буржуазии. Рождаемость тоже начала падать после 2010 г., когда она достигла максимальных значений в 833 тыс. человек; а к 2020 г. показатель снизился до 740 тыс. человек (заметим, это всё ещё почти в два раза выше, чем в Италии). Данные 2020 г. отражают влияние пандемии на смертность и рождаемость.

Неизбежное старение с изменением возрастных пирамид отразилось на количестве смертей: после 15 лет, когда смертность оставалась почти неизменной, с 2004 г. её рост стал регулярным и, можно сказать, неизменным. И последний важный показатель: после длительного периода стагнации число женщин фертильного возраста

сократилось более чем на 0,5 млн за 10 лет, и тенденция к снижению сохраняется. Как следствие, естественный прирост пока положительный (+82 тыс. в 2020 г.), но сократился более чем вдвое менее чем за 10 лет и регулярно снижается.

Это “диафильм” нынешней французской демографии; трудно сейчас увидеть разворот тенденции, в том числе потому, что иммиграция долгое время оставалась на низком уровне – около 60 тыс. прироста в год. Суждение, высказанное в журнале *Population*, полностью подтверждается: Францию всё в меньшей и меньшей степени можно назвать исключением.

Пронаталистская культура

В 2014–2015 гг. правительство президента Франсуа Олланда смягчило некоторые аспекты семейной политики. Интересны наблюдения одного из самых ярких сторонников политики поощрения роста рождаемости и поддержки семей Жерара-Франсуа Дюмона. В заметке от января 2016 г. он возрождает идею о том, что «демография обуславливает политическую мощь», и подчёркивает, что во Франции проводится образцовая в Европе семейная политика, а также утверждает, что отход от политики, которой уже 75 лет, рискует привести страну в состояние европейской демографической зимы, что неизбежно скажется на силе страны в мире.

Объяснение французской тенденции к уменьшению населения от *Population* является более техническим и не содержит ссылок на возможные последствия изменения политики. Как он утверждает, есть три фактора: снижение числа деторождений у поколений детородного возраста; задержка рождения детей в жизненном цикле супружеской пары; отсрочка первого материнства, возраст которого с каждым годом увеличивается (корреляция с удлинением периода образования женщин кажется само собой разумеющейся, хотя в настоящее время имеет тенденцию к стабилизации), в результате чего время для рождения второго и третьего детей сокращается, так что иногда их и не рожают. Отметим, что эти факторы характерны и для других метрополий с единственным существенным отличием: во Франции они проявляются с задержкой в связи с постепенным ослаблением эффектов укоренённой наталистской политики и соответствующих ей культур, которые во Франции укоренены гораздо глубже по сравнению с другими странами. Эти культуры не утверждаются за год, но и не исчезают так же быстро, поэтому они тоже по праву входят в понятие “демографическая инерция”.

Можно заметить: хотя общие тенденции к снижению рождаемости в метрополиях в определённой степени отразились и на Франции, но сделали это в некотором смысле приглушённо и даже с задержкой, что, безусловно, является следствием давней и глубоко укоренившейся наталистской политики, которая была константой во Франции.

В заключение добавим, что президент Эмманюэль Макрон учредил в

ОТ “ПЛОДОВИТОСТИ” ЭМИЛЯ ЗОЛЯ ДО “ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫЗОВА” МАКРОНА

Чтобы понять демографическую политику во Франции, необходимо начать изда-лека. В 1800 г. Франция занимала первое место по численности населения в Европе: 29 млн жителей по сравнению с 22 млн в Германии, 17 млн в Италии и всего лишь 11 млн в Англии. К середине века Германия вырвалась почти догнала Францию (33 против 36 млн). В следующем столетии Германия вырвалась вперёд (56 млн), Францию догнала Англия (40 и 39 млн), население Италии насчитывало 33 млн человек. Германия обогнала Францию по численности населения примерно в 1860–1870 гг. В начале XX века Францию обогнала Англия, позднее – Италия.

Очевидно, что Франция в век капиталистического и демографического бума в Европе и с учётом трансатлантической эмиграции, которая затронула все государства, имела гораздо более низкие темпы прироста населения, чем в странах-конкурентах. Франция также не была наиболее развитой страной: эстафета всегда принадлежала Англии. И всё же Франция опередила другие страны в том, что для всех станет «необратимым снижением» рождаемости. Снижение смертности в течение XIX века было характерно для всех стран, хотя и происходило неравномерно, поэтому именно в рождаемости следует искать объяснение французскому исключению (в то время противоположному нынешнему).

По мнению демографа Массимо Ливи Баччи, который резюмирует дискуссию вокруг этого феномена, можно выделить две причины. Первая – «в высшей степени культурная»: влияние идеологии Революции (по мнению Жюль Пизона из INED, даже эпохи Просвещения, которая, однако, была европейским, а не только французским явлением), прекращение религиозного контроля над семьёй, новые модели социального поведения, новый образ жизни, новая подвижность. Вторая – «экономическая»: своего рода “аграрное мальтузианство”, то есть уменьшение числа детей в семьях в сельской местности, предотвратившее чрезмерное дробление земельной собственности, которое стало бы следствием поддержания высокого числа детей в условиях роста производительности труда в сельском хозяйстве и, следовательно, снижения потребности в рабочей силе. В Англии, напротив, бурно развивающаяся промышленность легко поглотила избыточное сельское население.

Поражение во франко-прусской войне в 1870 г. привело в действие механизмы, в основе которых лежали эти объективные данные. Постепенно возникло множество движений и ассоциаций, имевших две параллельные и часто противоречивые ориентации: одна была ориентирована на семью (поддержка многодетных семей через механизм государственной помощи и т.д.), в основном из католического сообщества; и собственно натализм (поощрение рождаемости), явно направленный на стимулирование роста населения (примерно на рубеже XIX–XX вв. наблюдалось абсолютное падение численности населения Франции), также с сильным националистическим подтекстом и при поддержке идеологий “Франции как державы”.

Давление на законодательную власть в условиях всеобщего благопритворования рождаемости, сложившегося на рубеже веков, привело к принятию в 1913 г. первых законов, направленных на защиту семьи. Активное участие в этой кампании принял писатель Эмиль Золя, находившийся в изгнании после статьи “Я обвиняю”. В длинном романе “Плодовитость” (1899) он противопоставил счастье многодетной семьи несчастью бездетной. Эта книга, написанная с блеском “Жерминаля”, актуальна и сегодня. Бойня первой мировой войны оживила климат и политику, благоприятствовавшие росту населения, но существенных плодов ещё не было видно. В 1920 г. был создан Высший совет по вопросам народонаселения.

Через 20 лет широкого присутствия дискуссии о населении в средствах массовой информации наступил 1939 г. За два месяца до объявления войны Германия правительство Далады (заявившее: «Отсутствующая страна не может быть свободной страной») возобновило политику в области семьи и рождаемости в “Кодексе семьи”, автором которого был молодой демограф и экономист Альфред Сови. Комментарий того времени: «Были предприняты исключительные усилия для борьбы против демографического упадка Франции» (“*Annales de géographie*”, 1941). В 1945 г. был основан INED, в уставе которого прямо была указана цель увеличения численности населения.

Европейский бэби-бум после второй мировой войны не привёл к появлению во Франции политики *laissez-faire*, как в других странах; климат и меры сохранялись в течение долгого времени, оставались неизменными или даже совершенствовались при смене правительств. Результаты будут видны, когда и Франция окажется под ударом падения рождаемости после всеобщего окончания бэби-бума в 1970–1980-х гг. Показатели падают, рождаемость снижается и даже значительно ниже уровня воспроизводства, но благоприятная возрастная структура, созданная в течение длительного времени, и постоянное мер вмешательства приглушают последствия и размывают их во времени. Таким образом, сегодня французский империализм вкушает плоды более чем полувековой активной и непрерывной политики, а также благоприятного для рождаемости климата, который никогда не ослабевал.

Венский Международный институт прикладного системного анализа (IIASA) следующим образом описывает функционирование “французской системы”: «Семьи [...] пользуются исключительно хорошо развитой системой ухода за детьми. Основная идея [...], имеющая глубокие корни, – это большая вера в то, что государство несёт ответственность за благополучие детей, включая заботу о них». Однако сегодня Франция тоже вынуждена приспособляться, потому что демографическая зима больше не могла её пасть, и здесь возникает «демографический вызов» Макрона.

мае 2020 г. комиссию из 26 экономистов по вопросам климата, неравенства и демографии с целью проведения экономического анализа и выработки указаний по реагированию на так называемые три «вызова» с примени-

ем наиболее эффективных политик. Одним из них является именно «демографический вызов», который возвращается в Елисейский дворец.